1831 N 14

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ЗАМѢЧАНІЯ О ДЕНДЕРСКОМЪ ЗОДІАКѢ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ ТЕЛЕСКОПА.

Посылаю вамъ нѣсколько Замѣчаній, довольно любопытныхъ для тѣхъ изъ читателей, кои—любя древность—прочли со вниманіемъ статью о *Эгипетскихъ Зодіакахъ*, помѣщенную въ N 6 вашего Телескопа.

Викарій Греппо, изъ Опыта коего (1) почерпнули вы статью сію, повѣствуя о различныхъ толкахъ, возникшихъ по случаю прибытія въ Парижъ *Дендерскаго Зодіака*, заключаетъ краткое извѣстіе свое объ оныхъ замѣчаніемъ, что: »новый Александръ разсѣкъ

(a) *Essai sur le Système Hiéroglyphique de Mr. Champollion le jeune*, et *sur les avantages qu'il offre à la Critique Sacrée*, par J. G. H. *Greppo*, Vicaire général de Belley. Paris, 1829.

»Гордіевъ узелъ, надъ которымъ истощено »было столько трудовъ и усилій.« И подлинно, Г. Шамполіонъ младшій, прочитавъ на семъ Зодіакѣ сокращенный титулъ АТТКРГР (*Самодержецъ*); іероглифическими знаками изображенный, положилъ, симъ открытіемъ, конецъ всѣмъ предположеніямъ и догадкамъ, и призналъ, что Зодіакъ сей изваянъ былъ во времена владычества Римскихъ Императоровъ надъ Эгиптомъ.

Но Викарій Греппо пропустилъ главное обстоятельство, данное на замѣчаніе Г. Шамполіономъ касательно помянутаго титула; почему и должны мы обратиться къ сочиненію (a) сего Эгиптолога, изъ коего В. Греппо выписалъ свое сказаніе объ ономъ Зодіакѣ.

По поводу помянутаго титула Г. Шамполіонъ изъясняется слѣдующимъ образомъ.—— —»*Рамочки*, заключающія сей титулъ,« говоритъ онъ—»находятся почти всегда *въ со-* »*пряженіи*, либо *въ смощеніи* съ другою ра- »мочкою, заключающею *собственныя имена* »Императоровъ. Но иногда титулъ сей на- »ходится также въ рамочкѣ *совершенно оди-* »*нокой*;« и Г. Шамполіонъ увѣряетъ, что Дендерскій сферическій Зодіакъ есть *достопримѣ-*

(a) Précis du Système hiéroglyphique des Anciens Egyptiens, Seconde Edit. page 64.

чательнѣйшій примѣръ (а) *одинокости сего титула.* »Судя по прекрасной гравировкѣ, изданной въ *Описаніи Эгипта*« — (продолжаетъ Г. Шамполіонъ)—»видно съ правой стороны большое изображеніе женщины, изваянное въ выпукломъ видѣ, между *двумя длинными столбцами гіероглифовъ.* Внизу лѣваго столбца находится *рамочка,* содержащая одинъ токмо »титулъ АОТКРТР (б).« Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній, Французскій Эгиптологъ изъявляетъ сожалѣніе о несуществованіи *второй рамочки,* которой надлежалобъ быть въ сопряженіи съ *первою,* и заключать, по примѣру множества другихъ Эгипетскихъ барельефовъ, *самое имя Императора.* »Но« (говоритъ Г. Шамполіонъ) »если бы въ подоб-

(а) »Les cartouches renfermant ce titre sont presque »toujours *accolés* ou *mis en rapport* avec un second »cartouche, contenant *le nom propre* des Empereurs. »Mais quelquefois aussi on trouve ce mot dans des »cartouches ABSOLUMENT ISOLÉS. *L'exemple le plus remarquable sans doute que je puisse citer de cette particularité*, est le bas-relief sculpté sur la seconde »pierre du Zodiaque circulaire de Dendera.« *Ibidem.*

(б) »D'après la belle gravure, publiée dans la *Description d'Egypte*, on voit à droite une grande figure »de femme sculptée de ronde bosse, *entre deux longues colonnes d'hiéroglyphes.* Au bas de la colonne »de gauche, est un cartouche qui contient seulement »le titre АОТКРТР.« *Ibidem.*»

»ныхъ предметахъ наблюденій, догадки могли »быть совмѣстны, но многія обстоятель»ства побудили бы меня думать, что пи»шулъ сей, *одиноко изображенный*, могъ при»надлежать Императору Клавдію, а еще бо»лѣе Императору *Нерону*, коего множество »медалей, выбитыхъ въ Египтѣ, заключаютъ одинъ токмо пишулъ ΑΥΤΟΚΡΑΤΩΡ.« (a).

Прочитавъ съ должнымъ вниманіемъ всѣ вышеприведенныя утвержденія Г. Шамполіона, вы увѣрены, что Дендерскій Зодіакъ заключаетъ подлинно *одну только рамочку*, и что на ономъ Зодіакѣ нѣтъ той *второй рамочки*, которая на Египетскихъ памятникахъ находится обыкновенно въ *сопряженіи* или въ *сношеніи* съ первою. Г. Шамполіонъ указалъ вамъ однакожъ на представленіи Зодіака изображенную съ правой стороны вы-

(a) Il eut été à désirer qu'un second *cartouche*, accolé au premier, nous donnât, comme sur beaucoup d'autres bas-reliefs Egyptiens, *le nom même de l'Empereur*. Mais si, en pareille matière, les conjectures étaient admissibles, plusieurs circonstances me porteraient à croire que ce titre *ainsi isolé*, pourrait appartenir ou à l'Empereur *Claude*, ou plûtot à l'Empereur *Néron*, dont plusieurs médailles frappées en Egypte, ne portent en effet aussi pour toute légende que le titre seul ΑΥΤΟΚΡΑΤΩΡ. *Précis du Système Hiérogl. des Anciens Egypt.* Seconde Edit. page 65.

сокорослую женщину между двумя длинными столбцами гіероглифовъ; внизу же *лѣваго* столбца: рамочку, заключающую титулъ АОТКРТР. Взгляните же на нижнюю часть *праваго* столбца, и вы увидите насупротивъ первой рамочки, *вторую* (а), въ непосредственномъ *сношеніи* съ первою находящуюся, и содержащую два гіероглифическіе знака. Ужели Г. Шамполіонъ не усмотрѣлъ сей *второй рамочки?* Если же сего предположить невозможно, то какъ объяснить *желаніе* Эгиптолога, который во второмъ изданіи своего Письма къ Г. Дасье, помѣщеннаго въ его Précis, спустя четыре года, повторяетъ, какъ и въ первомъ: »Il eut été *à désirer qu'*un second *cartouche*, accolé au premier, nous donnât »le nom même de l'Empereur.« Всякой, зная Французскую Грамматику, и не имѣя предъ глазами начертанія Дендерскаго Зодіака, заключаетъ изъ сихъ словъ, что на ономъ находится *одна* только рамочка, а не *двѣ*. Почему Г. Шамполіонъ не сказалъ чистосердечнѣе: Il eut été à désirer que le second *cartouche qui se trouve en rapport* avec le premier, *au bas de la colonne à droite*, nous donnât le nom même de l'Empereur; то есть: желательно

(а) Я могу показать вамъ изображеніе онаго Зодіака. Взгляните между тѣмъ на нашу Табл. N 1, 2.

бы было, чтобы вторая рамочка, *находящаяся въ сношеніи* съ первою, и изображенная внизу праваго столбца, предложила намъ самое имя Императора.

Предоставляю вопросы сіи читателямъ вашимъ. Что до меня касается, то я уже привыкъ къ *Системѣ* Г. Шамполіона, и давно уже не дивлюсь ни произвольности его утвержденій и опроверженій, ни непоколебимости толкованій его и переполковъ (а), ни высокопарной пустопорожности его обѣщаній (б), ниже догматическимъ противорѣчі-

(а) Разборъ сихъ утвержденій и опроверженій, толкованій и переполковъ, находится въ рукописномъ Опытѣ моемъ о *Языкѣ и Начертаніяхъ Гіероглифическихъ*, подъ заглавіемъ: Les Pirамides ou Essai *sur la Langue et l'Ecriture Hiéroglyphiques.*

(б) Вотъ какъ Г. Шамполіонъ начинаетъ первое письмо свое къ Герцогу Блакасу. *Lettres à Mr. le duc de Blacas d'Aulps relatives au Musée royal Egyptien de Turin.* Première Lettre. Paris, 1826. »La protection éclairée dont le Roi a honoré les »études Egyptiennes, et mes constans efforts à les «rendre *fructueuses pour l'histoire*, a imposé de nou»veaux devoirs à mon zèle, et l'a soutenu aussi dans la »perquisition persévérante des *notions positives* que l'exa»men des monumens peut encore permettre de recueillir »AFIN DE RECOMPOSER *s'il est possible, le tableau des hommes, »des opinions et des événemens contemporains de la pri»mitive civilisation.* Vous avez partagé, Mr. le Duc, *et ces*

ямъ (а), которыми преисполнены прославленныя его сочиненія.

Г. Шамполіонъ, не видя въ *двухъ гіероглифическихъ знакахъ, заключенныхъ во второй рамочкѣ,* возможности прочитать имени какого-нибудь Римскаго Императора, разсудилъ за благо объявить оную вторую рамочку *несуществующею,* по невозбранно и неотъемлемо присвоенному имъ праву говорить и утверждать все, что ему угодно.

»*vues élevées* (Г.-Шамполіонъ говоритъ про себя) et »l'intérêt tout particulier qui s'attache à de *telles* »*recherches.*« Можно ли провозвѣщать такъ *съ высока* о своихъ *намѣреніяхъ* и *успѣхахъ* на поприщѣ, покрытомъ тьмой и исполненномъ препятствій! Г. Шамполіонъ, издавшій такъ много книгъ и толкованій объ Эгипетскихъ гіероглифахъ, не разобралъ еще *ни одной строчки,* историческое преданіе заключающей. Успѣлъ же онъ прочесть *нѣсколько* именъ и разобрать *нѣсколько* чиселъ; но, какъ замѣчаетъ Г. Кювье, по поводу Абидосской скрижали, заключающей одинъ рамочки *именъ и почестей Фараоновъ*, Г. Шамполіономъ будто разобранныхъ, собраніе именъ не составляетъ еще Исторію: -mais il n'est pas moins sensible *qu'une liste, une série de noms ou de portraits, comme* il y en a partout, *est loin d'être une histoire.* Discours sur les révolutions du Globe, pag. 205.

(а) Сіи проницательныя выказалъ я въ Опытѣ моемъ *Opuscules archéographiques*, и Г. Шамполіонъ перекравилъ ихъ *кое-какъ* во 2 изданіи *тихомолкомъ.*

Приступаю къ разбору *двухъ* помянутыхъ *гіероглифовъ*.

Согласно съ выговоромъ, признаннымъ въ наблицахъ Г. Шамполіона (а), оные два гіероглифа могутъ быть изображены слѣдующими Коптскими отмѣнами: ⲈⲒⲨ, ⲒⲨ, ⲎⲨ. Но гласныя ⲈⲒ, Ⲓ, Ⲏ, соизмѣняются непрерывно съ ⲉ, которую букву Г. Шамполіону угодно было здѣсь пропустить. Помянутые два гіероглифа соотвѣтствуютъ слѣдовательно равнымъ образомъ и буквамъ ⲈⲨ, коихъ сложность образуетъ Эгипетское слово, имѣющее два знаменованія: ⲈⲨ значитъ *приношеніе* (б) и *обезьяна*. Французскій Эгиптологъ отвергнетъ съ негодованіемъ сіе бранное слово, несовмѣстное съ его ученіемъ о почестяхъ, свойствахъ и достоинствахъ Эгипетскихъ властелиновъ, въ таинственныхъ рамочкахъ (в) заключающихся.

(а) Précis du Syst. hiér. Tableau Général N. 43, 75.

(б) ⲈⲎ въ Коптскихъ Словаряхъ значитъ между прочимъ *offerre*, προσφέρειν. По свойству же языка Эгипетскаго и по преимуществамъ гіероглифическаго словописанія, ⲈⲨ можетъ значить и *приношеніе*. Смотри на слѣд. стран. выноску (а).

(в) Сіи рамочки заключаютъ обыкновенно *двусмысленныя* почести. *Двусмысленность* же была главнымъ основаніемъ гіероглифическаго словописанія жрецовъ и таинственнаго ихъ говора, что дознало

Я предпочитаю первое значеніе слова ⲤⲎ, потому что оное согласно съ изображеніемъ женщины, находящейся между гіероглифическими столбцами, и о которой мы упоминали въ предыдущихъ страницахъ. И я не сомнѣваюсь въ томъ, что протянутыя руки сей женщины изображаютъ приношеніе. Г. Шамполіонъ называетъ *двѣ протянутыя отъ локтя къ верху руки* символическимъ знакомъ *приношенія* (а); ибо у Французскаго Эгиптолога символическими и мыслеизобразительными начертаніями называются всѣ тѣ, которыхъ онъ азбучно читать не умѣетъ, или не хочетъ (б). Мы просимъ Г. Шамполіона взглянуть на 217 страницу Коптско-Арабскаго Словаря, изданнаго Кирхеромъ, подъ заглавіемъ: *Lingua Aegyptiaca restituta*. Онъ найдетъ на концѣ оной страницы слово Корвеи (в), объясненное Арабскимъ реченіемъ

я, между прочимъ, разборомъ нелѣпыхъ почесней, вышверженныхъ и столь важно повторяемыхъ Французскимъ Эгиптологомъ.

(а) *Précis*, Tabl. génér. pag. 38, N 308 a, OFFRANDE, OFFRIR, caractère *symbolique*. Смотри Табл. N 5.

(б) Примѣры сихъ мнимыхъ символизмовъ, мною разобранныхъ, могутъ составить особенную книжку.

(в) Если бы Г. Шамполіонъ вздумалъ опровергнуть сіе реченіе и назвать оное исключительно Арабскимъ, то мы указали бы ему Словарь Иг. Росси, заклю-

القربان *oblatio, sacrificium.* Первая же буква слова Корвен, будучи К, объясняетъ, почему *двѣ подъятыя руки* изображаютъ таинственно *приношеніе;* ибо *тѣ же двѣ руки*, въ таблицахъ Г. Шамполіона, изображаютъ букву К (а). Слѣдовательно, мнимый *символизмъ*, при семъ случаѣ, какъ и при всѣхъ прочихъ, состоитъ въ хитромъ начертаніи, если не цѣлаго слова (посредствомъ лжеобразнаго и почти всегда уродливаго *монограмма*), то по крайней мѣрѣ первой буквы каждаго реченія,

---

чающій 336 страницъ Эгипетскихъ реченій, общихъ Симскимъ нарѣчіямъ (Ignatii Rossi Etymologiæ Aegyptiacæ).

(а) N. 56. и наша Табл. N 4. Симъ же знакомъ жрецы изображали и самую мѣру длины, *локтемъ* называемую. *Локоть* же по Египетски называется Кωι, Кеϩ, Каϩ и Каλλаnкаϩ. Всѣ сіи слова начинаются съ буквы К. Иногда вмѣсто сихъ рукъ жрецы изображали цѣлаго человѣка въ наготѣ и въ одеждѣ *съ простертыми отъ локтя къ небу руками* для прикровенія *буквы* К. На Зодіакѣ же Дендерскомъ руки у женщины подняты отъ самой подмышки, потому что тѣснота мѣста между двумя гіероглифическими столбцами другаго положенія не позволяла. А Г. Шамполіону не безъизвѣстно, что Эгипетскіе *Святописцы* (Ἱερογραμματεῖς) сорасполагали начертанія свои, соображаясь съ мѣстомъ и предѣлами поля своихъ надписей, какъ изваянныхъ, такъ и рукописныхъ.

за *символъ* принимаемой и выдаваемой догматическою неспособностію Эгиптолога.

Не удивляйтесь сему *признанію*. Оно по крайней мѣрѣ не криводушно, какъ порицанія Г. Шамполіона, который, не дерзая ополчаться лицемъ къ лицу противъ извѣстнаго Оріенталиста и Синолога, Г. Клапрота, и горя желаніемъ назвать его невѣждою предъ лицемъ ученыхъ, старается произвольными и несвязными возраженіями доказать неправильность *его примѣненій* (а) къ моей системѣ о таинствахъ Горапполлона (б), и заключаетъ, что всѣ примѣры, приведенные Г. Клапротомъ, служатъ токмо доказательствомъ, что я не имѣю понятія даже о первыхъ началахъ Коптской или Эгипетской Грамматики: »*que* L'AUTEUR »DU SYSTÈME *ne connait même pas les premiers*

(а) *Lettre sur la découverte des hiéroglyphes acrologiques*, adressée à Mr. de GOULIANOF, par M. J. Klaproth. Paris, 1827. »Cette lettre contient une des découvertes les plus importantes que l'on ait faites »jusqu'ici sur les écritures sacrées des Egyptiens.« *Revue Encyclopédique*, 100 livraison. Avril, 1827, page 211.

(б) ΩΡΟΥ ΑΠΟΛΛΟΥ ΙΕΡΟΓΛΥΦΙΚΑ: »Mr. »le chev. de *Goulianof*, qui se livre depuis quatre ans »á l'étude des anciennes écritures de l'Egypte, vient »par sa découverte, de rendre à cet ouvrage toute »l'importance qu'il mérite.« *Revue Encycl. Ibidem.*

élémens de la Grammaire Copte ou Egyptienne (a).« Сей косвенный приговоръ не возобновился однакожъ ни послѣ *втораго Письма* Г. Клапрота, въ которомъ доказываетъ онъ нелѣпость и произвольность возраженій Г. Шамполіона: ниже послѣ *Опыта* моего о *іероглифахъ Гораполлона*, гдѣ изложилъ

(a) Bulletin des sciences historiques, antiquités, etc. Avril. 1827, pag. 291. Г. Клапротъ въ вышепомянутомъ письмѣ своемъ ко мнѣ (стр. 4) говоритъ ясно: »J'ai »été *en état d'expliquer*, d'après votre méthode et par le »Cophte, une très-grande partie des symboles mystérieux qu'Horapollon nous a conservés.« Всякой, читая строки сіи, не усумнится въ томъ, что *метода моя*, а *приложенія* Г. Клапрота. Не смотря на то, Г. Шамполіонъ говоритъ: »Nous allons »exposer un certain nombre de ces rapprochemens »*hasardés par Mr. de Goulianof* et Klaproth. etc. — »*Mr. de Goulianof* aurait dû faire attention. — Mr. »de Goulianof *a adopté* fort légèrement une erreur »de Kircher. — Selon Horapollon, dit *Mr. de* »*Goulianof.*« и помянуто Mr. de Goulianof. Г. Клапротъ беретъ однакожъ все сіе и сему подобное на свой щетъ, и говоритъ *о себѣ.*» Mr. Champollion se contente de m'avertir que *je suis* un ignorant et que je n'ai aucune connaissance de la langue »Cophte. — Mr. Champollion *m'impute* donc à tort »d'avoir aveuglement copié les méprises du célèbre »jésuite;« и пр. и пр. Смотри seconde lettre sur les hiéroglyphes.

я собственныя мои примѣненія къ открытому мною способу разбиранія мнимыхъ гіероглифическихъ *силволовъ* (а).

Возвратимся къ нашему предмету.

Г. Шампоніонъ, ссылаясь на сочиненіе ученаго Данчанина Zoega, подъ заглавіемъ: *Nummi Aegyptii Imperatorii*, въ которомъ (по увѣренію Французскаго Эгиптолога) находится множество медалей *Нерона*, заключающихъ одинъ токмо титулъ АΥΤΟΚΡΑΤΩΡ, полагаетъ, что сей титулъ, находящійся на Дендерскомъ Зодіакѣ отдѣленно, могъ равно принадлежать *Нерону*. Не имѣя подъ рукою Нумизматической книги помянутаго Сочинителя, мы не можемъ довольствоваться ссылками Г Шампоніона, который въ обоихъ изданіяхъ своего Письма къ Г. Дасье своевольно отрицаетъ существованіе *второй рамочки*, изображенной внизу праваго столбца Дендерскаго Зодіака.

Познакомясь съ многоразличными хитростями и причудами Эгипетскихъ Гіерограмматовъ, мы не можемъ не обратить вниманія на два послѣдніе знака, повторенные подъ двумя рамочками, начертанными внизу двухъ гіероглифическихъ столбцовъ съ правой стороны Зодіака.

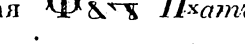
(а) *Essai sur les Hiéroglyphes d'Horapollon* et quelques mots sur la Cabale. Paris, 1827.

Змія, согнутая стѣсненною дугою (а), есть не иное что, какъ прикровенная отмѣна двухъ іероглифовъ, данныхъ подъ N 40 и 41 въ Таблицахъ Г. Шамполіона (б), и выговаривающихся, смотря по нарѣчіямъ, какъ T^{x} съ дыханіемъ и какъ T безъ дыханія. Въ пустотѣ же образованной *сгибомъ зміи*, мы видимъ человѣка, изображеннаго *ничкомъ и съ одною ногою. Одна нога* въ таблицахъ Г. Шамполіона (N. 19) изображаетъ букву Б (в). Человѣкъ же представленъ въ *опрокинутомъ* видѣ, съ цѣмъ, чтобы намекнуть тайновѣдцамъ, что сіе положеніе изображаетъ также букву Б, посредствомъ реченій ⲫⲱⲛϩ, ⲫⲱⲛϫ, выговаривающихся *$П^{x}$онгъ*, *$П^{x}$онджъ* въ Мемфисскомъ нарѣчіи, и *Понгъ*, *Понджъ*, въ Саидическомъ, и значащихъ *convertere*, *pervertere*, *evertere*, *ejicere*, и пр., слѣдовательно *низвратить, низринуть;* что и соотвѣтствуетъ *низвращенному*, то есть: *ничкомъ простертому* человѣку. Буквы же $П^{x}$ *съ дыханіемъ* и П, безъ дыханія, соизмѣнялись древле съ буквами Б—В и даже изображались однимъ и цѣмъ же начертаніемъ, съ какимъ-нибудь отличитель-

(а) Смотри Табл. No 1, 2, подъ рамочками.

(б) Смотри Таб. N 5 bis и 6.

(в) Смотри Таб. M 7.

нымъ знакомъ (а). Въ Гіероглифическомъ же словописаніи оныя непрестанно употреблялись одна за другую, и смѣшивались даже съ буквами У и V (*ужицей*), что признано самимъ Французскимъ Эгиптологомъ (б). Таковое сонзмѣненіе губныхъ началъ словесныхъ, общее всѣмъ языкамъ (в), объясняетъ, почему *нога*, называемая *Пхатъ*, означаетъ Б и В въ азбукѣ гіероглифической. Такъ на примѣръ въ имени и качествѣ супруги Императора Адріана :  (г), оба изображены *ногою*, хотя оныя выговаривались *СаБина СеВасты*.

(а) Еврейская буква ב (Пх) есть не иное что, какъ בּ (Б) съ опмѣною ; буква же בּ выговаривается и какъ В. Равнымъ образомъ Арабское ب (Б) употребляется въ Персидскомъ Словописаніи съ *тремя точками для изображенія буквы В.*

(б) »Le B hiéroglyphique est perpétuellement échangé »*dans les noms propres* et *dans les textes Egyptiens* »*avec F, V* et *OU.*« Précis du Syst. hiérogl. Sec. édit. pag. 111.

(в) Греческія буквы Ф, В , выговаривавшіяся древле Пх, Б, измѣнили попомъ выговоръ свой на Ф, В. Нѣмцы смѣшиваютъ непрестанно *б* съ *п*; Испанцы *в* съ *б*, и тому подобное.

(г) *Zoega: de Origine et usu Obeliscorum*, смотри въ ономъ: Obeliscus Barberinus. и Précis. Tabl. gén. des signes. N. 151.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ наблюденій явствуетъ, что *согнутая дугою змія съ простертымъ въ ней человѣкомъ* образуетъ монограммъ *Тб*, котораго буквы можемъ признать за двѣ первыя согласныя имени ТиВерія (а), съ тѣмъ большею вѣроятностію, что Портикъ Дендерскаго храма, по свидѣтельству Греческой надписи, посвященъ былъ благоденствію сего Императора, какъ то находимъ на 180 страницѣ Археологическаго Сочиненія Г. Летронна, подъ заглавіемъ: *Recherches pour servir à l'histoire de l'Egypte pendant la domination des Grecs et des Romains.* Въ другомъ же сочиненіи своемъ: *Observations critiques et archéologiques sur l'objet des représentations Zodiacales*, сей ученѣйшій Французскій Эллинистъ полагаетъ, что Зодіакъ предхрамія Дендерскаго храма относится къ жребію того же Императора *Тиверія* (б). Замѣтимъ и то, что, по свидѣтельству Тацита и другихъ древнихъ бытописателей, сей Императоръ слылъ весьма свѣдущимъ въ Астрологіи, которая была предметомъ Зодіаковъ (в).

(а) Между рамочками, изображающими имя *Тиверія* гіероглифами, отвѣчающими всегда буквамъ ТВріс *Тбрис*, мы находимъ В, выраженное *ногою*.

(б) Смотри стр. 109.

(в) *Ibidem*. стр. 84.

Г. Клапротъ, въ вышеупомянутомъ отвѣтѣ своемъ на порицанія младшаго Шамполіона, справедливо замѣчаетъ, что сей Эгиптологъ не терпитъ, чтобы кто-нибудь говорилъ объ Эгиптѣ *безъ его дозволенія*. И вотъ возраженія, предстоящія нашему разбору:

Первое. Мы не въ правѣ, скажетъ онъ, принимать ни *согнутую змію*, ни *лежащаго* въ ней *человѣка* за буквы, потому что оные знаки не принадлежатъ къ числу азбучныхъ начертаній, признанныхъ Имъ, Шамполіономъ; а потому и должно ихъ считать за *символическіе* знаки.

На сіе отвѣчаемъ:

Во первыхъ: что *змія* наша разнствуетъ только положеніемъ отъ *зміи* Г. Шамполіона, изображающей буквы Д и Т въ его таблицахъ, подъ N 20. Но взгляните еще разъ на N 40 и 41, вы увидите нашу змію въ томъ же положеніи, но превращенную въ *щипчики*, которыя выговариваются T^{x} и Т, смотря по нарѣчіямъ. Сообразивъ на нашей Таблицѣ (а) сіи ложные гіероглифы, вы, при легкомъ вниманіи, признаете одну и туже букву, облеченную въ различные обманчивые виды.

Во вторыхъ: пусть Французскій Эгиптологъ докажетъ намъ по своей теоріи, что *человѣкъ, въ сидящемъ* видѣ безъ сѣдалища, *съ*

(а) Смотри N 5, 5 bis, до N 6 (Куфической буквы).

одною поднятою отъ локтя рукою, съ другою же опущенною назадъ, можетъ изображать букву (а). Что *человѣкъ, стоящій съ поднятыми отъ локтя обѣими руками* (б), можетъ изображать букву; а что *человѣкъ, одноногой и ничкомъ лежащій*, не можетъ.

Второе возраженіе, намъ предстоящее, будетъ то, что *собственныя имена не сокращались такъ, чтобъ не доставало послѣдней оныхъ половины.* Сіе общее правило не безъ изключенія: и мы находимъ въ помянутомъ Опытѣ Г. Сальта (в), изображенное въ обычной рамочкѣ имя Императрицы *Клеопатры* съ пятью только гіероглифами: *Клепа* (г).

(а) Смотри N 104 его Tabl. génér.

(б) Покойный Англійскій Генеральный Консулъ въ Эгиптѣ, Г. Сальтъ, первый прочелъ сіе прикровенное начертаніе въ имени Императора *Комода.* Смотри Planche II. 22 b, Опыта его подъ заглавіемъ: *Essay on Dr. Joung's* and *M. Champollion's Phonetic System of Hieroglyphics.* London, 1825.

(в) Смотри Pl. II N. 1 съ лѣваго конца.

(г) Судя по пустотѣ мѣста, принадлежащаго буквѣ О, вѣроятно буква сія стерта. Двѣ же послѣднія *буквы* Т, С, означаютъ женскій полъ и суть начальныя буквы словъ Т Сꙁіѡі. (*Ти* членъ, *Сгими* женщина;) хотя Г. Шамполіонъ и называетъ ихъ *знаками мыслеизобразительными: signes idéographiques*, что отличаетъ онъ отъ своихъ

Слѣдовательно сокращеніе собственныхъ именъ зависѣло также отъ произвола жрецовъ, какъ и сокращеніе словъ, признанное Г. Шамполіономъ (а). Въ отношеніи же къ имени *Тиверія* не излишне замѣтишь, что во всѣхъ рамочкахъ, заключающихъ имя сего Императора, первыя двѣ согласныя *Тб* находятся всегда сопряженно, безъ посредней гласной *и*, подобно какъ и въ сокращенномъ монограммѣ, нами изслѣдованномъ.

Остаются еще два возраженія немаловажныя. Г. Шамполіонъ замѣтитъ, *во первыхъ*: что имена Эгипетскихъ властелиновъ начертывались, равно какъ ихъ почести и свойства, не иначе, какъ въ рамочкахъ, служившихъ отличительными знаками ихъ сана. Сверхъ же сего возспанетъ онъ противъ предположенія чтобы одно и тоже имя могло быть повторено подъ каждою рамочкой—что противно всѣмъ наблюденіямъ, доселѣ имъ учиненнымъ.

---

signes phonétiques, отъ знаковъ *звукоизобразительныхъ* или *азбучныхъ* начертаній.

(а) Г. Шамполіонъ говоритъ, что для выраженія нѣкоторыхъ словъ (то есть, словъ, имъ разобранныхъ), жрецы довольствовались начертать, то *начальную одну* букву, то двѣ первыя буквы, иногда же первую и послѣднюю, разумѣется, гіероглифическими начертаніями. Précis, page 373, 2. Edit.

Въ отвѣтъ на первое возраженіе укажу я на XV Табл. Систематическаго сочиненія Г. Шамполіона, гдѣ имя Эгипетскаго Фараона *Шешонка* изображено гіероглифическими знаками въ столбцѣ безъ рамочки (а); и гдѣ тоже имя повторено и *гіератическими*, то есть, *жреческими скорописными* буквами не въ скобкахъ (б), присвоенныхъ собственнымъ именамъ Императоровъ и Фараоновъ. Сего примѣра здѣсь довольно, чтобъ доказать, что присутствіе рамочки не есть условіе *sine quâ non* существованія ихъ именъ въ гіероглифическихъ надписяхъ, какъ изваянныхъ, такъ и рукописныхъ. Впрочемъ мнѣ и каждому должно показаться естественнѣе присутствіе царскихъ именъ *безъ рамочки* (в),

(а) Смотри Précis du Syst. hiér. прошивъ 259 стр. впор. изд.

(б) Г. Шамполіонъ не упоминаетъ ни въ одномъ изъ печатныхъ своихъ сочиненій о скобкахъ, замѣняющихъ рамочки, въ словописаніи *гіератическими* и *народными* буквами. Сіи скобки почти всегда связывались съ первою и послѣднею буквою именъ и почестей, въ нихъ заключавшихся.

(в) Мы видѣли при самомъ началѣ сей статьи, что одна изъ рамочекъ заключать должна *титулы, свойства* и *качества* Императоровъ: однако же *титулы, свойства* и *качества* сіи не находятся ли и безъ рамочекъ въ книгахъ Г. Шамполіона?

чѣмъ присутствіе царскихъ рамочекъ *безъ именъ*, и совершенно *пустыхъ*. Мы находимъ однакожъ таковыя рамочки между прочимъ на отломкѣ гіероглифическаго памятника, найденнаго въ Росеттѣ, и на прямоугольномъ Дендерскомъ Зодіакѣ, о которомъ упоминается въ статьѣ вашей. Еще страннѣе покажется всякому присутствіе *полурамочекъ* также *пустыхъ*, и у которыхъ не достаетъ верхней части. Сіи послѣднія встрѣчаются на томъ же прямоугольномъ Зодіакѣ. Г. Шамполіонъ не дивится таковымъ встрѣчамъ, и не говоритъ о *пустотѣ* сихъ рамочекъ ни слова, конечно потому, что онъ *пустымъ* не занимается.

Что же касается до странности предположенія моего, что одно и тоже имя *Тиверія* повторено подъ каждой рамочкой двухъ столбцовъ Зодіака, то таковое *повтореніе* страннымъ можетъ показаться потому развѣ, что оно рѣдко встрѣчается; другой же странности я въ ономъ не вижу. При семъ же случаѣ *повтореніе* сіе легко объяснится можетъ: Г. Шамполіону не безъизвѣстно, что Эгипетскіе сяписцы были большіе охотники до *симметріи*, и монограммъ, нами изслѣдованный, повторенъ очевидно *ради симметріи*.

Такимъ образомъ, *симметріи ради*, въ одной рамочкѣ, заключающей шипулъ АТТКРТР,

жрецы изобразили вмѣсто одного *K*, два знака лицемъ къ лицу, съ празднымъ между ними начерпаніемъ (а), гласнымъ *a*, *e*, *i* равносильнымъ. Я представляю послѣдній примѣръ сей читателямъ вашимъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы доказать имъ, сколь произвольны Египетскихъ жрецовъ причуды и затѣи; чтобъ доказать и то, что строгость догматизма въ разборѣ лжеобразныхъ ихъ начертаній совсѣмъ не у мѣста. Взгляните же на оные два симметрическіе знака, занимающіе средину рамочки шишула АΥΤΟΚΡΑΤΩΡ (б). Вы увидите и признаете въ оныхъ повторенный *символъ* богини *Исиды!* Странное дѣло! Жрецы ли вздумали, льстить Римскому Самодержцу? Ваятель ли подшутилъ надъ жрецами? или покойный Сальтъ списалъ въ забытіи одно начертаніе за другое? Г. Шамполіонъ не разсѣкъ на сей разъ Гордіевъ узелъ, намъ предстоящій. Онъ даже и не упомянулъ объ ономъ во второмъ изданіи Систематическаго своего сочиненія, не смотря на то, что Опытъ Г. Сальтса извѣстенъ былъ ему съ 1825 года. Уже ли великая *Исида*, низри-

(а) Замѣчанія достойно, что сіе самое посреднее начертаніе находится и между *двумя руками*, изображающими также букву К, и о которыхъ мы говорили выше. Смотри нашу Таб. N 8.

(б) Salt's *Essay*, противъ 62 стр. Табл. II. N. 1.

нутая въ качество пошлой буквы К, не заслужила заступленія Французскаго Эгиптолога; или, взглянувъ на жребій сей многотаинственной богини, вспомнилъ онъ сей стихъ Овидіевъ, и убоялся? *Oculis errantibus quaesivit Caelo lucem, ingemuitque repertâ...* Оставимъ безплодныя недоумѣнія и сорвемъ завѣсу съ *энигматическаго символа Исиды*, на который Г. Шамполіонъ взираетъ, какъ и на всѣ прочіе *свои символы*, сквозь райка догматическихъ своихъ заблужденій.

Извѣстно по преданіямъ, что въ Эгипетскомъ многобожіи Исида почиталась богинею *Луны* и *Земли*, и что супружество Исиды съ Озирисомъ было источникомъ изобилія Эгиптa. Подъ именемъ же Озириса разумѣли и *Солнце* и *Нилъ*. Раздѣливъ лица сего сложнаго баснословія, мы видимъ съ одной стороны, супружество *Солнца съ Луною* и ихъ вліяніе на Землю; съ другой же стороны, разливъ *Нила*, который, покрывъ низменную часть Эгиптa, производитъ изобиліе онаго; наконецъ, дѣйствіе *Солнца* на *Землю*. Обратимся теперь къ значенію именъ *Исиды* и *Озириса*.

Покойный Яблонскій, въ ученѣйшемъ толкованіи своемъ о богахъ Эгипетскихъ (а), по

(а) *Pantheon Aegyptiorum*, sive de diis eorum Commentarius. Francofurti. MDCCL.

спрасти своей къ словопроизводствамъ, привелъ многое множество своихъ и чужихъ мнѣній и преданій о свойствѣ сихъ боговъ и о *значеніи ихъ имень*. Одно изъ словопроизводствъ объ *Озирисѣ* правильно, но Яблонскій объ немъ пополковалъ и оставилъ. Вотъ и сказаніе Плутарха: »Ὁ γὰρ Ὄσιρις ἈΓΑΘΟΠΟΙΟΣ, καὶ τὄνομα πολλὰ φράζει ἐχ' ἤχισα δὲ ΚΡΆΤΟΣ ΕΝΕΡΓΟΥΝ καὶ ἈΓΑΘΟΠΟΙΟΝ. Коптическими буквами имя *Озириса* можно писать, равно ⲟⲩⲓⲣⲓ и ⲱⲩⲓⲣⲓ. Слово сіе составлено изъ ⲟⲩ, ⲱⲩ, значущихъ *много* и Ⲓⲣⲓ *дѣйствую, дѣлаю*. Что и относится къ сильному *дѣйствію* и *вліянію Солнца надъ Землею*. Сіе значеніе имени *Озириса* въ лицѣ *Солнца* и въ видѣ *Нила*, связуется само собою съ знаменованіемъ имени *Исиды*, и озаряетъ преданіе о ихъ супружествѣ: .... Πρὸς τὺς Μύσας, Ἴσιν τὴν ΓΗΝ, καὶ Ὄσιριν τὸν Νεῖλον καταγγέλλσιν (а). Яблонскій приводитъ между прочимъ преданіе *Сервіуса* и *Исидора* (б): »ISIS *lingua Aegyptiorum est* TERRA, *quam* ISIN *volunt esse*.«

И такъ, по свидѣтельству сихъ преданій, *Исида* не токмо *почиталась* землею, но даже на Эгипетскомъ языкѣ *значитъ* земля.

(а) *Геліодоръ* у Яблонскаго. Кн. III. гл. I. стр. 18.
(б) *Ibidem. Ibidem.*

Земля по Египетски называлась Ⲕⲁϩ въ Ѳивскомъ нарѣчіи, и Ⲕⲁϩⲓ въ Мемфисскомъ.

ІСІ (*Исида*) имя переданное намъ Греками въ видѣ ІΣІΣ (съ упраздненіемъ *дыханія* начальной гласной "І, и съ окончаніемъ Σ свойственнымъ Греческому языку —) воспріявъ древнее свое правописаніе: Ϧⲓⲥⲓ, въ Мемфисскомъ, и Ϩⲓⲥⲓ въ Ѳивскомъ или Саидическомъ нарѣчіяхъ, пріобрѣтетъ свойственныя богинѣ *Исидѣ* значенія *труда, тяжанія, работы:* понятія относительныя къ *Землѣ плодоносной*, вліяніемъ *многодѣйствующаго Солнца* и оплодотворяющаго *Нила*.

Согласовавъ такимъ образомъ преданія объ *Исидѣ* съ значеніями двухъ именъ сей знаменитой богини, мы видимъ теперь, что вся хитрость жрецовъ состояла въ томъ, чтобъ называть божество сіе именемъ *отвлеченнымъ*, а изображать оное, именемъ *вещественнымъ*.

И подлинно: идолоположники Эгипетскіе, олицетворивъ божество *Земли*, назвали оное *Исидою*, то есть: *трудящеюся, дѣющею, производящею* богинею: Ϧⲓⲥⲓ, Ϩⲓⲥⲓ. Поелику же Исида была богинею Земли, то жрецы изобразили не Исиду, а Землю; изобразили же обыкновеннымъ образомъ, сирѣчь: начальною буквою слова Ⲕⲁϩ, Ⲕⲁϩⲓ, (значущаго Земля), то есть, буквою К (а), которую бук-

(а) Взглянувъ на различныя отмѣны первообразнаго

ву Г. Шамполіонъ называетъ и почитаетъ *символическимъ*, *мыслеизобразительнымъ* начертаніемъ *Исиды*, и, помяните мое слово, никогда не испоргнетъ ее изъ своего Пантеона, чтобъ помѣстить въ азбучную строчку.

Если вы теперь убѣждены, что *символъ* Исиды есть буква К, то уже и не удивитесь тому, *какимъ* образомъ богиня *Исида* зашла въ рамочку, заключающую титулъ Αὐτο-Κράτωρ; и вы сами скажете, что *Исида* взошла туда *во образъ* буквы К, или *буква* К *во образъ* Исиды.

Пусть Г. Шамполіонъ, вооруженный догматизмомъ своей Теоріи и Системы, потрудится опровергнуть сіи доводы. Я готовъ представить ему, и его *символы*, и его *изобразительныя начертанія* (caractères figuratifs), которыхъ онъ равно читать не умѣетъ или не хочетъ; и вмѣстѣ съ оными предать суду безпристрастныхъ, нелицепріятныхъ и правдолюбивыхъ Ученыхъ *мои разборы*, клоняціеся къ доказательству той простой и несомнѣнной истины, что всѣ иероглифы, *какъ простые, такъ и сложные, равно и лжеобразные Монограммы, суть не иное что, какъ прикровенныя начертанія, почерпнутыя изъ*

вида буквы К; вы увидите, какъ, *sensim sensimque*, палеографическая *буква* облеклась въ *символъ богообразный*. Табл. N 9.

многообразныхъ отпрыскъ такъ называемыхъ Семитическихъ, *то есть: Финикійскихъ, Самаританскихъ, Халдейскихъ, Сирійскихъ* и даже *Куфическихъ* азбукъ.

Членъ Россійской Академіи Гульяновъ.

Москва, 21 Іюня 1831 года.

II.

СЦЕНА ИЗЪ ТРАГЕДІИ ШИЛЛЕРА:

МАРІЯ СТЮАРТЪ.

ДѢЙСТВІЕ V. ЯВЛЕНІЕ VII.

МАРІЯ, МЕЛЬВИЛЬ.

МАРІЯ.

Разпорядяся благами земными,
Надѣюся, что оставляю міръ,
Я никому не должная. Одно лишь,
Мельвиль, душѣ препятствуетъ моей
Свободно, радостно подняться къ небу.

МЕЛЬВИЛЬ.

Откройся мнѣ, Марія; облегчи
Грудь отъ заботъ; пусть твой вѣрнѣйшій другъ
Ихъ раздѣлитъ съ тобою.

МАРІЯ.

Я стою
У прага вѣчности; предстану скоро
Судящему дѣянія людей;
Но съ Господомъ еще не примирилась.
Святителя мной чтимыхъ алтарей
Ко мнѣ не допускаютъ; я должна

Принять дары Божественной трапезы
Изъ рукъ лжепастыря. Нѣтъ! умереть
Хочу въ моей я вѣрѣ; лишь она
Небесныя врата намъ отверзаетъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Смири волненье сердца; предъ Творцомъ
Дѣла и воля твердая, благая
Равны. Оковы наложить на руки
Насилье можетъ; чистая-жъ душа,
Свободная, паритъ къ престолу Бога.
Мертвятъ слова, но оживляетъ вѣра.

МАРІЯ.

Мельвиль, нѣтъ! мало сердца одного:
Земный залогъ необходимъ для вѣры,
Чтобъ мы могли освоиться съ небеснымъ!
За тѣмъ-то образъ человѣка принялъ
Господь; незримые дары Небесъ
За тѣмъ-то въ тѣло зримое включилъ Онъ
Таинственно...
Святая церковь намъ
Есть лѣствица ко свѣтлымъ Небесамъ.
Ее зовемъ мы Римской, православной:
Подпора вѣры — вѣрованье всѣхъ;
Гдѣ тысящи, молясь, благоговѣютъ,
Тамъ жаръ душевный пламенемъ горитъ
И окриленный духъ къ Творцу паритъ! —
Блаженны всѣ, могущіе спекаться
Въ Господень домъ съ молитвой на устахъ!
Алтарь украшенъ, тепляшся лампады
И сладкій дымъ струится изъ кадилъ,
И колоколъ вѣщаетъ славу Бога,
И бѣлоснѣжной ризой облеченъ,
Святитель алтарей пріемлетъ чашу,

Благословивъ, подъемлетъ, и вѣщаетъ
О чудесахъ преображенья онъ:
И весь народъ, одушевленный вѣрой,
Предъ Господомъ, присутствующимъ тамъ,
Склоняется. Увы! а я одна
Опвергнута; благословенье Неба
Не проникаетъ въ мракъ моей темницы.

МЕЛЬВИЛЬ.

Оно уже проникло, озарило
Тебя, Марія; положись на Бога
Всемощнаго; и вѣрь, сухая тросшь
Въ рукѣ того, кто дышетъ теплой вѣрой,
Дать можетъ цвѣтъ и гроздіе. Кто словомъ
Изсѣкъ источникъ изъ скалы кремнистой,
Тотъ и въ темницѣ для тебя алтарь
Устроить можетъ, и сосудъ, который
Земную жажду утолятъ назначенъ,
Въ святую чашу превратитъ мгновенно.
(беретъ кубокъ, стоящій на столѣ).

МАРІЯ.

Что слышу?—Такъ—я поняла тебя!
Ни пастыря, ни церкви, ни святыни
Здѣсь нѣтъ. Но рекъ Небесный Искупитель:
»Гдѣ двое вѣрящихъ сошлись во имя
Мое, я тамъ присутствую межъ нихъ.«
И что въ уста Святителя влагаетъ
Глаголъ Господень?—Чистая душа
И житіе безгрѣшное, святое.
— Такъ будь и ты святителемъ небеснымъ,
Посланникомъ, принесшимъ миръ душѣ.
И исповѣдь послѣднюю мою
Прими, и пусть мнѣ изрекутъ спасенье
Уста твои.

МЕЛЬВИЛЬ.

Когда такъ сильно сердце
Влечетъ тебя, то знай: тебѣ въ отраду
Всесильный чудо можетъ совершить.
Ты говоришь, здѣсь нѣтъ Христова тѣла,
Святителя и церкви? Въ заблужденьи,
Ты Королева! Здѣсь Святитель есть,
Есть Духъ Святый, парящій надъ тобою.

(съ сими словами открываетъ голову, и показываетъ золотую чашу съ дарами).

Святителя во мнѣ, Марія, видишь;
Я исповѣдь послѣднюю твою
Пришелъ принять и на пути ко гробу
Миръ возвѣстить душѣ твоей. Семь разъ
Глава моя помазана елеемъ
И приношу тебѣ Дары Святые,
Которые благословилъ самъ Папа.

МАРІЯ.

Такъ на краю могилы суждено
Мнѣ счастіе небесное вкусить?
Какъ съ высоты, на облакѣ златомъ,
Слетаетъ духъ безсмертный; какъ въ темницу
Проникъ Апостолъ, Ангеломъ ведомый,
И не могли его остановить
Ни стражей мечь, ни тяжкіе запоры;
Но перейдя замкнутыя врата,
Въ темницѣ онъ явился, окруженный
Сіяніемъ: такъ и ко мнѣ теперь,
Обманутой заступникомъ земнымъ,
Является ниспосланный отъ Неба.
— Тыжъ, нѣкогда слуга мой, будь отнынѣ
Служителемъ Небеснаго Отца.

Ты преклонялъ передо мной колѣна,
Я повергаюсь предъ тобой!

(повергается предъ нимъ).

МЕЛЬВИЛЬ

(осѣнивъ ее знаменіемъ креста)

Во имя
Отца и Сына и Святаго Духа!
Марія, Королева! Испытала-ль
Свое ты сердце? И даешь ли клятву,
Что истины на исповѣди сей,
Отъ Бога правды, утаить не мыслишь?

МАРІЯ.

Душа моя предъ Нимъ и предъ тобою
Открыта.

МЕЛЬВИЛЬ

Съ дня, когда въ послѣдній разъ
Ты примирилась съ Господомъ, какой
Грѣхъ совѣсть тяготитъ твою?

МАРІЯ.

Въ груди
Питала я завистливую злобу
И жажду мести. Грѣшная, отъ Бога
Ждала прощенья, а сама простить
Я не могла соперницѣ моей!

МЕЛЬВИЛЬ.

Оплакала-ль вину свою, Марія,
И твердо ли намѣренье твое
Оставить міръ, съ Всевышнимъ примиряся?

МАРІЯ.

Какъ упованье, что Господь проститъ
Виновную,

МЕЛЬВИЛЬ.

Въ какихъ грѣхахъ еще
Сознаться можешь?

МАРІЯ

Не одною злобой,
И грѣшною любовью оскорбляла
Я Господа. Я страстію пылала
Къ тому, который, кляпвѣ измѣня,
Немилосердо обманулъ меня!

МЕЛЬВИЛЬ

Скорбишь ли ты о прежнемъ заблужденьи,
И идола забывъ, твоя душа
Чистосердечно-ль къ Богу обратилась?

МАРІЯ

Тяжелая борьба мнѣ предстояла,
Но я земныя узы разорвала.

МЕЛЬВИЛЬ

Какимъ еще грѣхомъ опятнена
Душа твоя?

МАРІЯ

Кровавая вина
Лежитъ на ней. Въ предсмертное мгновенье,
Какъ грозное полночное видѣнье,
Моимъ очамъ является она.
Я ей отъ врать Небесъ отчуждена.
Я тяжкое свершила преступленье:
Убивъ супруга, сопряглась потомъ
Съ прельстителемъ предъ Божьимъ алтаремъ:
И хоть себя, преступная, карала

Раскаяньемъ, молитвой и постомъ;
Но все въ душѣ живетъ эхидна злая,
И усыпить грызущей не могла я.

МЕЛЬВИЛЬ

Какой еще лежитъ на сердцѣ грѣхъ,
Въ которомъ ты не сознавалась Богу?

МАРІЯ

Теперь ты знаешь всѣ мои грѣхи!

МЕЛЬВИЛЬ

Помысли: близокъ Сердцевѣдецъ! Вспомни,
Какъ тяжело караетъ церковь тѣхъ,
Которые на исповѣдь приносятъ
Не полное сознаніе; сей грѣхъ
На вѣчную насъ осуждаетъ смерть.

МАРІЯ

Пусть такъ меня въ послѣднее мгновенье
Помилуетъ и укрѣпитъ Господь,
Какъ ничего не утаила я.

МЕЛЬВИЛЬ

Предъ Господомъ молчишь о томъ, за что
Тебя караютъ люди? Объ участьи
Въ измѣнѣ Парри, Бабингтона? Ты
За то идешь на временную смерть:
Уже-ль обречь себя и вѣчной хочешь?

МАРІЯ.

Я Судіи предстать уже готова.
Еще мгновеній нѣсколько, и я
Приближуся къ Престолу Трисвятова;
Но говорю и повторяю снова:
Окончана вся исповѣдь моя.

МЕЛЬВИЛЬ

Размысли. Сердце наше льстецъ коварный.
Быть можетъ, ты двусмысленно запрмила

Смыслъ настоящій слова, чтобъ оно
Тебя не уличило въ преступленьи,
Хоть въ дѣлѣ семъ участвовала воля.
Но знай: притворствомъ не обманешь ты
Всевидящаго, пламеннаго ока,
Вперяемаго во внутренность души.

МАРІЯ

Просила я властителей земныхъ
Сорвать съ меня постыдные оковы;
Но никогда ни мыслію, ни дѣломъ
На жизнь врага не посягала я.

МЕЛЬВИЛЬ

И такъ писцы свидѣтельствуютъ ложно?

МАРІЯ

Все истинно, что я сказала! Ихъ же
Да судитъ Богъ!

МЕЛЬВИЛЬ

И такъ идешь на плаху,
Увѣрена въ невинности своей?

МАРІЯ

Сподобь меня Всесильный, ранней смертію
Кровавую вину мою загладить.

МЕЛЬВИЛЬ

(благословляетъ Марію;)

Идижъ, и смертью примирися съ Небомъ;
Пади, какъ жертва чистая! Лишь кровью
Омоются кровавыя дѣла.
Грѣшила ты, какъ слабая жена;
Но слабости духъ бодрый оставляетъ
Въ торжественный преображенья часъ.
Мнѣ свыше данной властію, разрѣшаю
Тебя, Марія, отъ грѣховъ; молю,
Да совершится такъ, какъ уповаешь.

(*беретъ чашу, стоящую на столѣ и освятивъ ее, подаетъ Маріи. Она колеблется и отклоняетъ ее отъ себя рукою*).

Спасителя Святую Кровь прими!
Ее онъ пролилъ за тебя!—Прими,
Какъ даръ, какъ милость Папы. Въ самой смерти
Владыкъ земныхъ воспользуйся правами
Первѣйшими — благословеньемъ церкви!

(*Марія принимаетъ чашу*).

И какъ теперь въ тѣлесномъ облаченьи
Соединишься съ Господомъ своимъ,
Такъ и въ сію обитель блаженной,
Гдѣ нѣтъ печали, преступленій, слезъ,
Ему предстанешь, Ангелъ обновленный,
Соединясь съ Владыкою небесъ.

(*ставитъ чашу на столъ. Слышенъ шумъ; Мельвиль закрываетъ голову, и подходитъ къ двери. Марія остается на колѣнахъ, тихо молясь*).

МЕЛЬВИЛЬ (возвращается).

Еще тяжелая тебѣ борьба,
Марія, предстоитъ! въ душѣ твоей
Найдется ль твердость укротить порывы
Ожесточенья, злобы?

МАРІЯ

Не страшусь
Возврата ихъ! Я посвятила Богу
Любовь мою и ненависть.

МЕЛЬВИЛЬ

Готовься-жъ.
Борлейфа съ Лордомъ Лесперомъ принять:
Они идутъ.

А. Шишковъ 2й.

III.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НОВАГО ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА: ГАРАЛЬДЪ И ЕЛИСАВЕТА, ИЛИ ВѢКЪ ІОАННА ГРОЗНАГО а).

(В. А. Эртеля).

Томасъ вошелъ въ проспранную, круглую комнату, освѣщенную такимъ же образомъ, какъ и передняя. Къ пополку привѣшена бы-

а) Романъ сей вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ. Не раскрывая напередъ завязки романа, необходимо для поясненія предлагаемаго отрывка сказать слѣдующее: Іоаннъ Грозный поручилъ Томасу Вейту, золотыхъ дѣлъ мастеру и механику, устроить потаенный ходъ изъ своей комнаты въ подземелье, которое было проведено изъ Кремлевскаго Дворца подъ Москву-Рѣку и вело въ поле. Мысль сію подалъ ему врачъ его Бомелій. Не задолго предъ тѣмъ прибыло въ Москву посольство отъ Гофмейстера Ордена Нѣмецкихъ Рыцарей. Племянникъ Посла, Графъ Гаральдъ, при въѣздѣ въ столицу, спасъ дочь Вейта, Елисавету, отъ опасности, которою угрожала ей взбѣсившаяся лошадь, бѣжавшая по улицѣ, по коей въѣзжало Посольство въ Москву. Красота дѣвушки поразила Гаральда. На любви ихъ основана завязка романа. Еще до пріѣзда Гаральда въ Москву, Вейтъ избавилъ отъ убійцъ любимца Іоаннова, Бориса Ѳедоровича Годунова, и съ друзьями своими принесъ его въ свой домъ. Ходя за раненымъ Борисомъ, Елисавета, уснувъ въ креслахъ, видѣла сонъ, предсказывающій судьбу ея и описанный въ предлагаемомъ отрывкѣ.

ла чучела крокодила, нѣсколько сушеныхъ рыбъ, большею частію странной фигуры, скорпіоны, морскіе пауки и раки, и т. п. Кругомъ по стѣнамъ разставлено было множество чучелъ разныхъ звѣрей всѣхъ земель и климатовъ. Украшенія комнаты состояли изъ пирамидъ и столбовъ, складенныхъ изъ череповъ и костей. У дверей, противоположныхъ тѣмъ, въ которыя вошелъ Вейтъ, стояли, какъ на часахъ, два человѣческіе скелета, изъ коихъ одинъ держалъ песочные часы, а другой косу. Со вниманіемъ осмотрѣвъ всѣ сіи страшные, но не безъизвѣстные ему предметы, Вейтъ пошелъ наконецъ къ двери, за которою надѣялся найти обладателя сихъ чудесъ. Отворивъ дверь безъ большаго усилія, Томасъ вошелъ въ слабо освѣщенную комнату, въ которой за столомъ, покрытымъ книгами, бумагами, сферами и другими орудіями, сидѣлъ человѣкъ съ бородою въ черномъ бархатномъ платьѣ и въ такой же шапочкѣ. Онъ читалъ книгу и, не смотря на шумъ, произведенный Вейтомъ при входѣ, не поднялъ головы. Этотъ случай подалъ Томасу возможность лучше разсмотрѣть читающаго. Онъ былъ человѣкъ пожилой, лѣтъ пятидесяти, съ широкимъ, выпуклымъ лбомъ и выдавшимися скулами. Глаза у него были маленькіе, сѣрые и блестящіе, а губы тол-

спыя. Онъ безпрестанно улыбался, но улыбка его часто выражала хитрую и злую насмѣшку. Широкой носъ его не придавалъ никакой пріятности и безъ того безобразному лицу. Сверхъ сего былъ онъ необыкновенно высокъ ростомъ и худощавъ. По стѣнамъ покоя стояли шкафы съ ящиками и стклянками разныхъ формъ и цвѣтовъ, со множествомъ реторитъ, банокъ, плавильныхъ горшковъ и проч. У ногъ Доктора лежалъ на подушкѣ изъ краснаго бархата черный котъ, рѣдкой красоты и величины. Подождавъ нѣсколько времени, Томасъ началъ шаркать и кашлять, и продолжалъ сіе до тѣхъ поръ, пока наконецъ Докторъ взглянулъ на него и гордо кивнулъ головою.

—»Его Царское Величество«—сказалъ Вейтъ (при сихъ словахъ Докторъ вскочилъ со стула и снялъ съ себя шапку)—»Его Царское Величество повелѣть мнѣ соизволилъ явиться къ вамъ, Г. Докторъ, чтобы въ сопровожденіи вашемъ произвесть нѣкоторыя работы въ собственной Его Величества комнатѣ.«

»А!«— сказалъ Бомслій, убавя весьма много прежней спѣси —»такъ ты вѣрно Англійскій золотыхъ дѣлъ мастеръ Томасъ Вейтъ? Милости просимъ, прошу садиться. Я весьма радъ, что имѣю случай съ вами познакомиться. Въ этой странѣ, какъ и вездѣ, разумнымъ

людямъ для взаимной пользы надлежитъ знать другъ друга и сколь можно тѣснѣе соединяться; а что вы точно такой человѣкъ, это я безъ труда вижу.«

Томасъ хотѣлъ отвѣчать, но былъ прерванъ раздавшимся какъ бы съ потолка сиповатымъ голосомъ, который произнесъ дважды: »*будь правъ!*«—Съ удивленіемъ Вейнъ поглядѣлъ вверхъ и увидѣлъ, на длинномъ шестѣ съ перекладиною, сидящаго попугая, который не переставалъ твердить одно и тоже.

—»Ага«!—сказалъ Докторъ—»это мой жизнейскій философъ.«

»Что это значитъ, Г. Докторъ?«

—»А вотъ что, любезнѣйшій Г. Вейнъ. Я полагаю, что человѣкъ во всю жизнь долженъ слѣдовать одному избранному имъ правилу, и направлять по немъ не только слова и дѣйствія, но и мысли свои. Тоже правило со всѣми другими, отъ него происходящими, называю я жизнейскою философіею. Но оставимъ это покуда; я надѣюсь, что мы скоро покороче познакомимся.« Съ сими словами Докторъ всталъ, надѣлъ на себя верхнее платье, означавшее его должность, и повелъ Вейна изъ комнаты другою уже дорогою. Поднявшись на нѣсколько лѣстницъ и спустясь по другимъ, множествомъ проходовъ и переходовъ вышли они въ длинный корридоръ,

на концѣ коего находилась потаенная дверь. Докторъ отперъ ее висѣвшимъ у пояса ключемъ и вошелъ въ нее вмѣстѣ съ Вейпомъ.

Они очутились въ комнатѣ Царской, весьма необширной. Окнами была она обращена на площадь передъ дворцемъ. На простѣнкѣ между окнами висѣло небольшое зеркало, а подъ нимъ миньятюрный портретъ покойной Царицы Анастасіи. Другой ея портретъ во весь ростъ висѣлъ на противоположной окнамъ стѣнѣ, а по обѣимъ сторонамъ его висѣли такіе же портреты сыновей Іоанновыхъ, Іоанна и Ѳеодора. Въ восточномъ углу комнаты, въ искусно сдѣланномъ изъ кедроваго дерева кивотѣ, висѣлъ Образъ Святителя Николая Чудотворца, богато украшенный золотомъ и дорогими каменьями, и окруженный со всѣхъ сторонъ другими иконами, не менѣе драгоцѣнными. Посреди комнаты былъ длинный столъ, на которомъ, кромѣ множества книгъ и исписанныхъ пергаменныхъ свитковъ, поставлена была великой цѣны чернилица, а подлѣ нея золотые столовые, довольно высокіе часы, отличавшіеся достопримѣчательнымъ механизмомъ. Надъ часовою доскою придѣлана была къ нимъ галлерея, на которую, когда часы били, выходило столько же Апостоловъ, сколько разъ ударяло въ колоколъ, такъ что въ полдень и въ полночь

являлось ихъ на ней двѣнадцать. Въ это время обходили они по галлереѣ прижды около звонка, кланялись и исчезали. Кромѣ сихъ вещей, въ комнатѣ не было ничего достопримѣчательнаго. Стѣны покрышы были обоями, а полъ ковромъ.

Томасъ осмотрѣлъ всю комнату со вниманіемъ, мѣрялъ, вычислялъ, и наконецъ рѣшился сдѣлать потаенную лѣстницу въ боковомъ покоѣ, спальнѣ Царской, а опускную дверь по лѣвую руку стула, на которомъ Іоаннъ обыкновенно сидѣлъ, занимаясь дѣлами. Этотъ планъ былъ совершенно одобренъ Докторомъ, съ которымъ Вейтъ, простившись весьма холодно, пошелъ въ Казначейство. Приказные его уже ожидали, и хотя дѣло не обошлось безъ споровъ и придирокъ съ ихъ стороны, однакожъ они отпустили ему назначенное въ выдачу серебро и золото.

Пришедъ домой, онъ немедленно принялся за дѣло, и работалъ съ такимъ усердіемъ, что чрезъ нѣсколько дней готовы были не только лѣстница, но и опускная дверь, которая повиновалась и слабѣйшему давленію пружины. Сія послѣдняя однакожъ устроена была не по прежнему плану въ стѣнѣ, а въ полу подлѣ стола. Желѣзная дверь при выходѣ изъ подземнаго хода также была навѣшена, такъ что на десятый день, считая съ

посѣщенія Царемъ золотыхъ дѣлъ мастера, Бомелій донесъ Іоанну, что всѣ работы готовы, и что Царь можетъ обозрѣть ихъ, когда за благо разсудитъ.

Царь былъ всѣмъ чрезвычайно доволенъ. Особенную радость и удивленіе возбудилъ въ немъ замо́къ, который въ самомъ дѣлѣ сдѣланъ былъ такъ искусно, что онъ не могъ быть отпертъ иначе, какъ нарочно сдѣланнымъ для того ключемъ, и то еще тогда только, когда имъ оповодили пружину, скрытую во внутренности. Одно только не понравилось Іоанну ключь былъ слишкомъ великъ, широкъ и тяжелъ, однимъ словомъ, не удобенъ для того, чтобы всегда носить его при себѣ. Ему хотѣлось, чтобъ этотъ недостатокъ непремѣнно былъ исправленъ.

Томасъ сидѣлъ въ своей мастерской и сравнивалъ прежній ключь, лежавшій подлѣ него на лавкѣ, съ новымъ, сдѣланнымъ поменьше и притомъ такъ, что можно было его складывать, какъ карманный ножикъ, и съ удобностію носить при себѣ. Съ видомъ удовольствія завернулъ онъ его въ тонкую бумагу и хотѣлъ было уже нести во дворецъ, какъ вдругъ дверь со стукомъ отворилась, и въ комнату, къ великому удивленію Вейта, вбѣжала Елисавета, которая минутъ лишь за

десять передъ тѣмъ вышла изъ дому за нѣкоторыми покупками. Она, со слезами на глазахъ, въ сильномъ волненіи, бросилась отцу на шею и вскричала: »Батюшка! любезный батюшка! я его видѣла, видѣла собственными глазами.«

—»Кого это?«—спросилъ изумленный отецъ. »Что съ тобою сдѣлалось кого ты видѣла?«

»Его, его самаго, верхомъ на конѣ. Онъ самъ меня поддерживалъ, чтобъ я не упала, и смотрѣлъ на меня присшально. Ахъ! теперь вѣрно сбудется все, что я видѣла.«

Отецъ все еще ничего не понималъ изъ безпорядочной ея рѣчи; но наконецъ, по долгомъ распрашиваніи, узналъ, въ чемъ состоитъ дѣло. Сначала дѣвушка разсказала ему происшесшвіе съ бѣшеною лошадью, а потомъ сонъ свой, который видѣла она, заснувъ у постели Борисовой.

»Мнѣ показалось — сказала она — что я гуляю на прекрасномъ, усѣянномъ цвѣтами лугу, на берегу Москвы рѣки. Когда я смотрѣла на какой-нибудь цвѣтокъ, тогда изъ него выглядывала дѣтская головка, которая улыбалась, кланялась мнѣ и смотрѣла на меня большими темноголубыми глазами. На каждомъ цвѣткѣ была особенная головка но у всѣхъ былъ одинъ и тотъ же взоръ, который

глубоко проникалъ въ мою душу и приводилъ меня въ несказанное восхищеніе. Иногда казалось мнѣ, что я еще дитя и лежу на рукахъ у матушки, которая меня тихимъ голосомъ убаюкиваетъ. Гуляя такимъ образомъ по лугу, вдругъ я почувствовала, что меня что-то кольнуло въ голову. Я схватилась за нее рукою и нашла, что у меня на головѣ вѣнокъ изъ розъ и васильковъ. Сорвавъ одну розу и бросивъ ее близкому ко мнѣ дитяти, я увидѣла, что цвѣтокъ на лету превратился въ маленькую, пеструю птичку, такую хорошенькую, какой я еще не видывала. Когда она замахала крылышками, тогда отъ нея полетѣло множество такихъ же птичекъ; всѣ они сѣли къ дѣтямъ на цвѣтки, играли съ ними и пѣли. Потомъ бросила я василекъ— и съ нимъ сдѣлалось тоже, что и съ розою. Вдругъ я замѣтила, что подлѣ меня идетъ молодой Рыцарь въ такомъ вооруженіи, какое носятъ они у насъ въ Германіи. Я взглянула на него—и тотъ же взоръ, какъ и прежде, встрѣтился съ моимъ взоромъ. Однакожъ мнѣ не казалось это удивительнымъ; да и молодой человѣкъ, казалось, былъ мнѣ не чужой; я какъ будто видѣла въ немъ и тебя, любезный батюшка, и покойную матушку, и Робсрта, и все, что мнѣ мило въ свѣтѣ. Мы начали играть вмѣстѣ, и голосъ матуш-

кинъ сдѣлался мнѣ слышнѣе. И онъ, подражая мнѣ, началъ срывать розы и васильки; но, не смотря на то, цвѣтковъ изъ вѣнка не убывало, напротивъ они умножались и спановились пышнѣе и душистѣе. Вдругъ рѣка начала съ шумомъ волноваться. Ужасное чудовище показалось изъ воды и, протянувъ длинную, чешуйчатую шею, схватило огромною пастью моего спутника и утащило въ рѣку. Въ отчаяніи, съ крикомъ и плачемъ, начала я бѣгать по берегу и, вбѣжавъ въ находившійся на берегу кустарникъ, увидѣла подлѣ себя молодаго человѣка, который въ ту ночь спалъ у насъ въ чуланѣ. Я хотѣла спросить его — но ты, батюшка, разбудилъ меня. Вотъ отъ чего, промолвила я, проснувшись, нѣсколько несвязныхъ словъ. А сего дня, батюшка, я опять его увидѣла; знакомые мнѣ глаза опять на меня смотрѣли — это были глаза человѣка, который сегодня спасъ меня отъ смерти.«

Сказавъ это, милая дѣвушка скрыла на груди отца пылающее лице свое. Тронутый старикъ поцѣловалъ дочь. »Глупенькая!—сказалъ онъ—за чѣмъ же было такъ пугать меня? Какъ можно было такъ тревожиться сномъ, который въ ту ночь весьма естественно могъ тебѣ привидѣться? Случившееся иногда происшествіе вѣрно разстроило твои нервы,

а изнеможеніе отъ безсонницы и еще болѣе раздражило. Удивительно ли послѣ этого, что сонъ твой былъ живѣе и чудеснѣе обыкновеннаго? А что ты сегодня увидѣла того человѣка, который представился тебѣ во снѣ, то и это, я думаю, не что иное, какъ обманъ воображенія. Хоть бы и въ самомъ дѣлѣ нашлось между ними сходство, то неужели должно выводить изъ того важныя послѣдствія! Какъ бы то ни было, но я думаю, что тебѣ не должно бояться сна, въ которомъ слышала ты голосъ своей матери. Успокойся же, другъ мой, и положись на Бога, Который не оставитъ тебя въ опасности. Теперь мнѣ надобно идти со двора. А ты между тѣмъ возьми вонъ этотъ ключь, что на лавкѣ, и спрячь подальше.«

Сказавъ это, Вейтъ ушелъ. Елисавета послѣдовала совѣту отца и принялась за разныя занятія по хозяйству, чтобы разсѣять свои мысли и успокоиться; но тщетно. Милый образъ противъ воли ея носился передъ нею, и она погружалась, сама не зная какъ, въ сладкую задумчивость.

IV

о ч и.

Видалъ ли очи львицы гладной,
Когда идетъ она на брань:
Или съ весельемъ ноготь хладной,
Вонзаетъ въ трепетную лань!
Ты зрѣлъ гіену съ лютымъ зѣвомъ,
Когда грызетъ она затворъ!
Какъ раскаленъ упорнымъ гнѣвомъ
Ея окровавленный взоръ!
Тебѣ случалось въ мракѣ ночи,
Во весь опоръ пустивъ коня,
Внезапно волчьи встрѣтить очи,
Какъ два недвижные огня!
Ты помнишь, какъ твой замеръ голосъ,
Какъ потухалъ въ крови огонь,
Какъ подымался дыбомъ волосъ,
И подымался дыбомъ конь!
Тѣ очи—страшныя явленья!
Но видѣлъ я и тѣхъ страшнѣй:
Не позабыть душѣ моей
Ихъ роковаго впечатлѣнья!
Изъ всѣхъ огней и всѣхъ оправъ
Огня тѣхъ взоровъ несосставишь
И лишь безумно обезславишь
Наукъ всевѣдущій успавъ.
Отъ нихъ все чувство каменѣетъ,
Ихъ огнь и жжетъ и холодитъ;
При мысли, сердце вновь горитъ
И стихъ, робѣя, леденѣетъ.

Моли всѣхъ Ангеловъ вселенной,
Чтобъ въ жизни не встрѣчать своей
Неправой местью раздраженной,
Коварной женщины очей!

С. Шевыревъ.

V.

ДЖЕМСЪ ФЕНИМОРЪ КУПЕРЪ.

До *Купера*, не было ни одного Американскаго писателя, коего творенія представляли бы вполнѣ типъ мысли и жизни Американской. Да и теперь, вокругъ его, между соперниками и земляками встрѣчаются только болѣе или менѣе счастливые подражатели Британской поэзіи и Британскаго краснорѣчія. Отечество *Купера*, исторгшее себѣ политическую самобытность изъ подъ владычества митрополіи, сохраняетъ къ ней донынѣ родственную привязанность и потомственную подчиненность въ литературѣ. Маститый образъ Британіи носится всегда предъ очами Сѣверо-Американскихъ писателей: она служитъ для нихъ классическою моделью, отъ которой они не смѣютъ уклоняться, не подвергаясь опасности сдѣлаться или слишкомъ низкими или слишкомъ изысканными, даже варварскими. Самъ Ирвингъ, возобновивъ стиль и манеру Аддиссона, удо-

вольствовался только тѣмъ, что избралъ для себя въ литературѣ Англійской источники древніе или преданные забвенію. Его шаланпъ состоитъ въ томъ, что Итальянцы называютъ *rifaccimento:* и прелестнѣйшія изъ картинъ, имъ начертанныхъ, принадлежатъ старинной Англіи. Напротивъ, въ *Куперѣ*, первое, что поражаетъ читателей, есть совершенно Американскій цвѣтъ его произведеній. Въ нихъ ощутительно дышетъ какая-то необычайная за-Атлантическая свѣжесть: онѣ носятъ на себѣ печать Новаго Свѣта: и творцу ихъ по всѣмъ правамъ принадлежитъ всеобщепризнанное имя *великаго Американскаго романиста.*

Вотъ честь, вотъ слава, вотъ счастіе, которымъ немногіе писатели наслаждались. Рѣдко встрѣчаются опыты столь тѣснаго соединенія съ образованностію роднаго края. И съ какою еще образованностію? И какого края? Зрѣлище столь обширное и столь дикое! Природа столь исполински великая! Какая-то чудная странность въ сраженіи и борьбѣ нашихъ промысловъ, нашихъ искусствъ, нашихъ идей, пересаженныхъ на дѣвственную почву, въ міръ новый, принужденныхъ сталкиваться съ дикою жизнію и побороть ее!

Духъ художественности еще не проникъ

въ пустыни Америки: напрасно стали бъ вы искать его въ ея городахъ. Духъ ремесленничества основалъ эту гражданственность и поддерживаетъ это общество: вы найдете его въ романахъ *Купера;* онъ напечатлѣнъ на его физіономіи.

Разсмотрите внимательно прекрасный портретъ его, списанный съ натуры Госпожею де Мирбель. Вы сознаетесь, что человѣкъ съ такимъ строгимъ и бдительнымъ взоромъ долженъ обладать способностію наблюдать съ удивительнымъ вниманіемъ и терпѣніемъ всѣ вещественные предметы; развѣ только нѣкоторые слишкомъ тонкіе оттѣнки общества и человѣческаго характера могутъ ускользать отъ него. Суровая простота царствуетъ въ его чертахъ, которыя всѣ обрисованы твердо, одушевлены мужественностію, но лишены движенія. Если нѣкоторыя кривыя линіи входятъ въ составъ ихъ, то онѣ отдѣляются, одна отъ другой, глубокими впадинами или морщинами крупно прорѣзанными: энергія, быстрота, рѣшительность твердая и непоколебимая, внимательность, крѣпость, неутомимость — вотъ свойства этой физіономіи, существенно Американской. Присоедините къ этому наружному физіономическому обозрѣнію правила Доктора Галля— и вы найдете въ этомъ возвышенномъ челѣ,

столь необыкновеннымъ въ своемъ разрѣзѣ, истинную френологическую рѣдкость. Съ одной стороны, органы случайности, мѣстности, недѣлимости — (тѣ, которые романистъ наиболѣе упражняетъ и приводитъ въ дѣйствіе) — высовываются, такъ сказать, рѣзкими выпуклостями; съ другой, высшіе органы причинности, сравненія предметовъ и веселости, отдѣленныя другъ отъ друга бороздою, глубоко прочерченною, образуютъ возвышеніе не менѣе примѣтное. Этотъ безпокойный и проницательный взглядъ, кажется, безпрестанно ищетъ какого нибудь новаго наблюденія; эта улыбка странная, сардоническая и не ласковая, изобличаетъ способность къ иронiи, преобладающую надъ умомъ непреклоннымъ. Сжатыя губы обнаруживаютъ ту безмолвную сосредоточенность мысли, безъ которой нѣтъ истиннаго таланта. *Куперъ* высокаго роста; его обхожденіе свободно и просто. Крѣпость духа и могущество республиканской самоувѣренности придаютъ цѣльному выраженію его физіономіи и наружности какую-то мужественность и силу, которыя не очень соглашаются съ понятіями утонченности и изысканной пріятности, коими образованность запечатлѣваетъ обыкновенно званіе ученаго человѣка.

И такъ, между *Куперомъ* и между идеями

и нравами его отчизны, существуетъ совершенная аналогія, полная гармонія. Это истинный Американецъ, во всей обширности сего слова и со всѣми оттѣнками національной физіономіи. Изъ этого тождества, изъ этой высочайшей національности образовалась сила его таланта. Оставаясь самимъ собою, онъ былъ силенъ и могучь; его оригинальность была выраженіемъ оригинальности его отечества. Первый онъ явился органомъ общества, только что раждающагося и уже страшнаго. До тѣхъ поръ думали, что Соединенные Штаты не могли производить ни авторовъ, ни читателей; ихъ осуждали на вѣчное литературное безплодіе; въ усиліяхъ ихъ писателей видѣли только покушенія рабольпныхъ переписчиковъ. *Куперъ* ниспровергъ побѣдоносно эту ложную увѣренность.

Когда Робинзонъ Крузоэ увидѣлъ слѣды Пятницы на пескѣ, онъ не болѣе почувствовалъ удивленія, какъ Европейская публика, когда Американскіе романы *Купера* показали ей, что можно жить въ Нью-Іоркѣ, родиться на берегахъ Делавары, не подражать никому — и имѣть геній. Съ давнихъ временъ критики уже рѣшили было, что талантъ и Американское происхожденіе несовмѣстимы. Голландская танцовщица, Медицейская Венера, родившаяся между Эскимосца-

ми, не были бы приняты съ большимъ и глубочайшимъ изумленіемъ, какъ хорошій романистъ или хорошій поэтъ, воспитанный въ Соединенныхъ Штатахъ. Какъ? эта купеческая сторона, этотъ народъ, недоступный для очарованія искусствъ, представляетъ намъ единственнаго современнаго прозаика, котораго Вальтер-Скоттъ долженъ признать своимъ соперникомъ! Ту оригинальность, коей чудную прелесть Шотландскій романистъ заимствовалъ изъ древнихъ лѣтописей своей отчизны, *Куперъ* нашелъ въ нравахъ этой безпредѣльной Америки, въ ея пустыняхъ, въ ея городахъ, совершенно новыхъ и свѣжихъ, едва, такъ сказать, произникшихъ изъ нѣдръ земли!

Еще до творца *Пуританъ*, исторія Шотландская была употребляема въ дѣло: ея повѣрья, ея обычаи доставляли матерію для многочисленныхъ и ученыхъ розысканій. Мистриссъ Граншъ, Бёрнсъ, Аллан-Рамзей, Бючананъ, Макферсонъ предшествовали Вальтеру-Скотту. *Куперъ* не имѣлъ предшественниковъ. Онъ овладѣлъ предметомъ дѣвственнымъ: пустился въ океанъ, еще ни однимъ весломъ не прорѣзанный. Литературный Христофоръ Коломбъ, онъ бросилъ якорь на берегахъ невѣдомыхъ. Со всѣхъ сторонъ представлялись ему тропинки непроторенныя. Неистощимое разнообразіе матеріяловъ; сцены,

требующія театра; картины, ожидающія рамъ; виды, зовущіе кисть художника: вездѣ новость, небывалость, чудеса; интересъ совершенно современный; народъ, едва вышедшій изъ пеленъ и уже могущественный; исторія, коей первыя страницы блестятъ образованностью и побѣдами; необычайное зрѣлище героизма тихаго, благочестиваго, постояннаго; имена Вашингтона, Пенна, Франклина; фондъ картины — лѣса тысячелѣтніе; дѣйствующія лица — учители Новаго Свѣта, предъ дикими чадами вигвама и калюмета; успѣхи Европейскаго образованія посреди этихъ пустынь неопорабощенныхъ; сраженія отцевъ и дѣтей, утѣснителей и утѣсненныхъ, однихъ рушующихъ во имя свободы и терпимости, другихъ несущихъ насиліе и рабство: какое безпредѣльное поприще! какая свѣжесть красокъ! какой роскошный запасъ для писателя! какая слава для друга отечества, владѣющаго силою увѣковѣчивать столь дивныя воспоминанія!

Одно обстоятельство могло бъ воспрепятствовать успѣху *Купера*. Еслибъ онъ захотѣлъ подражать рабски Европейскимъ своимъ образцамъ, его произведенія получилибъ ложный цвѣтъ; но этотъ характеръ, совершенно Американскій, коего выше разобрали мы отличія и признали печать, какъ въ чертахъ лица, такъ

и въ расположеніяхъ души *Купера*, спасъ его отъ единственной опасности, которая могла угрожать его генію. Съ искренностію и съ силою хваталъ онъ разсѣянные элементы, предъ нимъ находившіеся. Тщательно остерегаясь исказить ихъ естественную прелесть и—если можно такъ выразиться—возмутить дѣвственную чистоту малѣйшимъ классическимъ подражаніемъ, онъ разсказываетъ, даже языкомъ Соединенныхъ Штатовъ, тѣ необыкновенныя приключенія, коихъ позорищемъ были ихъ обширныя страны или моря окрестныя. Его лица выходятъ изъ хижины поселенца, изъ шалаша дикаря, изъ лавки купца, чтобы дѣйствовать въ его драмахъ; исполинская природа сихъ странъ приходитъ глядѣться въ нихъ, какъ въ зеркалѣ.

Въ отношеніи къ своимъ соотечественникамъ, *Куперъ* былъ Омиромъ ихъ образованности, Бардомъ, увѣковѣчивающимъ ихъ славу. Европейцамъ доставлялъ онъ невѣдомыя удовольствія: и на этомъ двойномъ пiедесталѣ утвердилась и возрасла его собственная слава. Даже Англійскіе аристократы, тѣ, которые не безъ прискорбія видѣли Америку въ одно и тоже время и въ соперничествѣ и въ дружбѣ съ Англіей; тѣ, коимъ успѣхи колоніи лежали, какъ бѣльмо на глазъ; тѣ, которые находили удовольствіе въ томъ, чтобы пре-

давать посмѣянію нравы, идеи и произведенія Американскія — должны были признать таланшъ *Купера* и отдать ему должную честь. Да и какъ могли бы они закрыть глаза для столь яркой очевидности? какъ могли бы отрицать испытываемое всѣми могущество и занимательность его твореній? Сколь ни глубоко нарѣзана была на нихъ печать Американская, онѣ останавливали ихъ вниманіе, заставляли течь ихъ слезы. Гордые островитяне не понимали сами важности своего сознанія, вѣса, который имѣли ихъ похвалы. Если основатели Американской республики обезпечили ей политическую и торговую независимость; если Вильгельмъ Пеннъ, въ потѣ лица, съ опасностію дней своихъ, воздвигъ въ ней святилище религіозной независимости: то все еще не доставало для этой великой и пышной страны независимости умственной. Она получила ее отъ *Купера*.

Таково благодатное могущество генія! Нашъ романистъ конечно не зналъ, какое высокое дѣло предпринималъ онъ. Проникнутый тихимъ энтузіазмомъ, долго онъ заготовлялъ и приводилъ въ порядокъ матеріялы для своей работы, соединяя неутомимое терпѣніе съ живымъ одушевленіемъ. Онъ чувствовалъ очень хорошо, что былъ рожденъ для чего-то болѣе, чѣмъ для обыкновенныхъ романовъ.

Болѣе вѣрный истинѣ, чѣмъ самъ Вальтеръ-Скоттъ, онъ искалъ ее не въ хроникахъ, а въ современныхъ воспоминаніяхъ; интересъ его разсказовъ заимствованъ изъ событій недавнихъ, свѣжихъ, которыя легко доказать и подвергнуть изслѣдованію.

Такъ какъ онъ вездѣ опирается на дѣйствительность, то вы не должны искать въ его произведеніяхъ ни быстраго развитія драмы, нагруженной приключеніями, ни летучести стиля, ни живости разговора. Онъ медленъ, не будучи однако тяжелымъ: мѣлоченъ, но не растянутъ. Ни одна черта характера или пейзажа не ускользнетъ отъ него: онъ не оставитъ кисти, прежде нежели разберетъ каждую изъ нихъ, съ основательностію и истиною, долженствующею очаровать васъ. Въ описаніяхъ, онъ остерегается быть слишкомъ рѣзкимъ: не дѣйствуетъ посредствомъ массъ, ни цвѣтныхъ, ни мрачныхъ. Напротивъ, онъ распоряжаетъ такъ удачно цѣлое и обогащаетъ его съ такою точностію всѣми составными элементами, что вы различаете каждую часть, какъ будтобы волшебная сила чародѣйства вызвала ихъ предъ ваши взоры. Пусть это будетъ лѣсной шалашъ, внутренность простой хижины, трупъ корабля, плавающій вдали по пустынѣ волнъ—онъ заставитъ васъ читать себя, однимъ обаяніемъ

совершеннѣйшей точности, одною очаровательностію вѣрнѣйшей истины: и описаніе самаго обыкновеннаго предмета, лишеннаго всякой живописной прелести, покажется вамъ гораздо занимательнѣе, чѣмъ иное изображеніе великолѣпнаго ландшафта, высокаго зрѣлища, обрисованнаго неопредѣленно, забросаннаго, на скорую руку, рѣзкими и жесткими красками. Женское любопытство, ищущее всегда въ романѣ дѣйствія и интереса, не будетъ имѣть бодрости пройти черезъ всѣ описанія *Купера*. Начавъ читать его, должно пожирать все. Не льзя однако не признаться, что онъ иногда повторяетъ себя: часто принимается снова за портретъ, уже обрисованный его кистью. Онъ не упаитъ опять васъ ни одной доски на фрегатѣ, ни одного дерева въ лѣсу. Его рѣчь обильна, иногда слишкомъ говорлива, но всегда вольна и смѣла называть каждую вещь по имени. Въ писателѣ, менѣе истинномъ, менѣе энергическомъ, менѣе добросовѣстномъ, можноб было попрекнуть на эту неумолимую, слишкомъ уже мѣлочную точность, которая не одну страницу въ произведеніяхъ *Купера* превращаетъ въ протоколъ судебнаго допроса. Но этотъ допросъ интересуетъ, забавляетъ, увлекаетъ, разгорячаетъ воображеніе, воспламеняетъ душу. Зеленѣющія саванны, песчаныя равни-

ны, маститые дубы, безпредѣльныя пустыни, озера подобныя океанамъ, безмѣрные дремучіе лѣса, съ ихъ вѣчною тѣнью: вотъ предметы, изображаемые *Куперомъ* не только съ вѣрностію, но и съ любовію, съ наслажденіемъ, съ энтузіазмомъ!

Дайте ему пуститься въ море; этотъ энтузіазмъ превратится въ нѣкоторый родъ страстнаго изступленія, глубокаго и благоговѣйнаго. Вы подумаете, что волны составляютъ его стихію. О! какъ прекрасны его морскія картины въ ихъ ужасѣ, какъ возвышенны въ ихъ истинѣ! Онъ показываетъ вамъ не призракъ корабля на призракѣ океана, не малеванное судно на малеванномъ морѣ: все, на его корабляхъ и вокругъ нихъ, все—дѣйствіе, жизнь, характеръ, поэзія. Врагъ неопредѣленности, неспособный ею любоваться и допускать ее въ свои картины, онъ окружаетъ васъ столь многочисленными, столь подноготно разобранными подробностями, что даже самая ихъ незначительность содѣйствуетъ къ возвышенію истины цѣлаго. Паруса надуваются, канаты смыгаютъ, снасти трещатъ, деготь дымится, капитанъ свищетъ, пучина пѣнится, разсѣченный валъ съ ревомъ плещетъ вокругъ корабля. Земли нѣтъ—ничто ее не напоминаетъ. И потомъ, когда она снова является, вы ви-

дите себя брошенными въ страну новую, пустынную, безвѣстную—и удивляетесь вѣрности живописца, разнообразію его красокъ.

Мы сказали уже, что *Куперъ* врагъ неопредѣленности. Это романистъ наиболѣе положительный изъ всѣхъ, какіе только когда существовали, не исключая даже Вальтера-Скотта. Взглядъ его проникаетъ въ глубину души человѣческой. Онъ анатомируетъ ее, не идеализируя. Видно, что каждое лице, выводимое имъ на сцену, наслаждается дѣйствительною жизнію. Но будучи столь проницателенъ и дальновиденъ, *Куперъ* все еще любитъ человѣчество. Его кисть никогда не обмакивается въ желчь: онъ одушевляется вездѣ симпатическимъ соучастіемъ съ нашими благороднѣйшими движеніями, съ нашими лучшими чувствованіями. Это благородное расположеніе весьма пріятно видѣть въ умѣ, котораго ничто не обманываетъ, отъ котораго ничто не ускользаетъ. Весьма часто мизантропія бываетъ печатію наблюдателя: разбирать внимательно человѣка значитъ подвергаться опасности его возненавидѣть.

Природа человѣческая, какъ описываетъ ее *Куперъ*, не смотря на свои заблужденія, кажется еще прекрасною и достолюбезною: если онъ опкрываетъ ея слабости, то не тѣшится ими; онъ хочетъ ободрить ее къ до-

бродѣтели, а не повергнуть ее въ отчаяніе о самой себѣ. Всякой разъ, когда попадается ему подъ кисть какое нибудь похвальное движеніе души, онъ схватываетъ его, овладѣваетъ имъ; и эта нравственность, столь сладостная, есть единственная поэзія, примѣшивающаяся къ его портретамъ. Впрочемъ, сіи послѣдніе всѣ истинны, всѣ живописны; иногда они впадаютъ въ каррикатуру; самый замѣчательнѣйшій его недостатокъ состоитъ въ томъ, что онъ иногда слишкомъ преувеличиваетъ, слишкомъ дозорчиво подсматриваетъ и подробно выясняетъ ихъ характеристическія черты. Никогда не бываетъ онъ ложенъ; но не рѣдко переходитъ мѣру въ истинѣ. Одно лице представляется намъ уродомъ, другое чудакомъ: мы забываемъ, какъ природа разнообразна и—почитаемъ обманомъ слишкомъ вѣрную копію ея прихотей. Вдругъ одна черта характера, одно слово, вылившееся изъ сердца, одна, такъ сказать, выходка природы, пробивается, поражаетъ насъ изумленіемъ, примиряетъ съ лицемъ, которое становится намъ знакомымъ и которое начинаемъ мы понимать. Часто *Куперъ* заимствуетъ свои средства изъ самаго тончайшаго разложенія нашихъ склонностей и идей: рѣдко столь разборчивый взглядъ, столь глубокая проницательность соединялись съ столь могуще-

ственною энергіею. Въ его твореніяхъ встрѣчаются всѣ роды физіономій, отъ подлости до геройзма, отъ радушія до ужаса: всѣ они выливаются на картинѣ, говорятъ воображенію, и, задержавъ на себѣ любопытство, оказываются физіономіями дѣйствительно человѣческими, живыми, естественными.

Его женскіе портреты, въ особенности, обнаруживаютъ тонкость наблюденія почти Шекспировскую. Это ни придворныя, ни свѣтскія женщины; это также и не существа сверхъестественныя: это просто — женщины. Доброта, кротость, естественная прелесть, добродушное величіе, окружаютъ ихъ своимъ сіяніемъ. Ихъ красота и привязанность освѣщаютъ и услаждаютъ самыя неприступныя убѣжища, облегчаютъ заботы мущинъ, проливаютъ бальзамъ на ихъ раны. Нравственное чувство, соединенное съ физическою красотою, съ терпѣніемъ, съ ясностію души, составляетъ ихъ очарованіе. Добрая хозяйка, какъ на примѣръ жена Капитана Гиокопа въ *Обитателяхъ Границъ (Borderers)*, имѣетъ болѣе прелести, чѣмъ всѣ Сильфиды Востока, чѣмъ всѣ Принцессы Ла-Калпренеда: ея наружность не блистательна, жизнь мирна и скромна; но вокругъ ней обитаютъ счастіе и миръ: въ ея груди хранятся сокровища благости и любви: однимъ

словомъ—это женщина, какъ описалъ ее Вордсвортъ. »То не Паллада, не Юнона, не прекрасная Эгерія: ей не воздвигаютъ алтарей; въ чашу жизни нашей она не изливаетъ божественной амброзіи, нектара, достойнаго небесъ, но пагубнаго для смертныхъ. Это та, которую прозорливая благость Творца создала, дабы утѣшать, согрѣвать и благословлять, дабы царствовать безъ совмѣстничества подъ кровомъ домашнимъ, дабы блюсти наши дни и украшать ихъ. Суетные ласкатели говорятъ ей, что ее обожаютъ, что ликъ ея озаряется небеснымъ сіяніемъ, что наконецъ она самый Ангелъ! . . Проповѣдники опасные! Желая превознесть ее, вы разрушаете ея очарованіе. Предоставьте лживымъ поэтамъ, чуднымъ разскащикамъ, талисманы, мечты, дива. Подруга нашихъ дней, мать нашихъ дѣтей, бдительная хранительница наша отъ колыбели до гроба, управляющая нашими первыми шагами, услаждающая недуги горькой старости, продолжающая жизнь нашу! Оставьте ей чистосердечіе и кроткую нѣжность. Пусть она будетъ женщиной..вотъ все ея могущество!«

Между многочисленными романами, изданными *Купером*ъ, особенно характеристическою оригинальностію отличается *Послѣдній изъ Могиканъ.* Напрасно стали бы вы искать

въ библіотекѣ романовъ твореніи, которое можно бъ было поставить съ нимъ въ параллель. Мапросы Смоллета и Фильдинга, нищіе Вальтера Скотта — все изчезаетъ. Вы теряете наконецъ изъ виду эту безконечную фамилію героевъ, переходящую изъ вымысла въ вымыселъ. Вы находитесь въ новомъ мірѣ. Тамъ, во всемъ величіи своемъ, дышетъ первобытный геній рода человѣческаго. Чадо пустыни возникаетъ и рисуется предъ вами. Онъ не имѣетъ ни одежды ни украшенія. Онъ одинъ, самъ съ собой, чуждый всякой образованности: господинъ надъ всѣмъ, что его окружаетъ, и не знающій надъ собой никакого господина. Царь своей пустыни, онъ не имѣетъ рабовъ. Страсти, пороки, добродѣтели нашего общества, ему неизвѣстны. Природа, окружающая его, также велика, какъ онъ. У ней есть для него тайны и наслажденія, невѣдомыя остальному міру. Романъ сей отличается удивительною свѣжестію очарованія: пресыщенные лживыми картинами, опасными утонченностями, вы начинаете жить жизнію первобытныхъ пустынь, пріобщаетесь къ человѣку, котораго онѣ воспитали. Вы забываете все прочее.

И какъ замѣчательны, какъ истинны характеры, движущіеся въ этой странной драмѣ? Всѣ они носятъ печать могучей руки,

которая ихъ начертала. Старый Индіецъ и его сынъ представляютъ намъ типъ дикой жизни. Но гораздо большее удивленіе возбуждаетъ *Длинный Карабинъ*, это чудное лице, поставленное какбы на рубежѣ гражданственности и дикости, это посредствующее звено между общественною образованностію и первобытною независимостію. Тончайшая разборчивость кисти управляла выборомъ оттѣнковъ, изъ коихъ составленъ этотъ странный портретъ. Это еще не Европеецъ, но уже и не свирѣпый Индіецъ. Обдуманный героизмъ, воспитываемый образованностію, смѣшивается въ немъ съ исполинскимъ и буйнымъ героизмомъ, который ей предшествуетъ. Онъ еще не отрекся отъ жажды мщенія и отъ непоколебимаго стоицизма отцевъ своихъ; но угадываетъ по инстинкту разборчивость чувства чести и возвышается даже до благородства души, коего предощущаетъ силу и величіе.

Перебирая прочія произведенія *Купера*, мы затруднимся положить на которомъ-нибудь изъ нихъ печать исключительнаго предпочтенія. Первый романъ, имъ изданный — *Предосторожность или Выборъ Мужа*—единственный, въ коемъ онъ позволилъ себѣ ограничиться тѣснымъ кругомъ гостинныхъ, есть также единственный, въ коемъ геній,

по видимому, его оставилъ. *Степи* содержатъ въ себѣ описанія, болѣе характеристическія, болѣе подробныя, болѣе живыя, чѣмъ прочія его произведенія: это прекраснѣйшій портретъ мертвой природы, какой только выходилъ изъ подъ его кисти. Прочитавъ этотъ романъ, вы подумаете, что сами жили на берегахъ этихъ рѣкъ, проходили тысячу разъ этими *степями*, сами вопрошали таинства этихъ мѣстъ, полныхъ очарованія, и пробуждали ихъ безмолвное эхо вашимъ голосомъ. Должно однако сознаться, что это удовольствіе покупается скукою, причиняемою слишкомъ длинными отступленіями, отъ которыхъ картина сія, столько вѣрная, дѣлается чрезъ мѣру распянутою.

Шпіонъ имѣетъ также своихъ приверженцевъ. *Гарвей Биршъ* есть созданіе драматическое: жертвовать своей странѣ не только жизнію, но и честію, есть самое высочайшее пожертвованіе. И какъ не удивляться этому герою патріотизма, который вмѣняетъ себѣ безчестіе въ славу и, во глубинѣ сердца, упѣвается въ поношеніи, которое его покрываетъ, чувствомъ услугъ, приносимыхъ отечеству? Что касается до *Вашингтона*, *Куперъ* умѣлъ съ рѣдкимъ искусствомъ идеализировать его, что было весьма не легко. Не изглаживая характеристическихъ примѣтъ этого крепка-

го и смиреннаго героя, онъ поспавилъ его на поэтической базѣ, если можно такъ выразиться.

Интересъ *Обитателей Границъ* гораздо сильнѣе: *Красный Корсеръ* и *Кормчій* имѣютъ преимущество предъ нимъ, какъ картины морской жизни. Имъ не уступаетъ *Водяная Колдунья*. Все тамъ живописно, исполнено энергіи и между тѣмъ—положительно. Истина господствуетъ вмѣстѣ съ величіемъ. Посмотрите на *Тома Коффина*, на этого царя морей, на этого человѣка, который не живетъ на землѣ, который свободнѣе переводитъ духъ на озерѣ, начинаетъ наслаждаться бытіемъ на средиземномъ морѣ и вступаетъ въ полное владѣніе всѣми своими способностями, всѣмъ своимъ счастіемъ, тогда какъ его вольное судно бороздитъ безстрашно валы безбрежнаго океана. Для него нѣтъ другой побѣды, кромѣ побѣды надъ волнами: онъ не знаетъ другаго героизма, другаго блаженства, какъ только въ борьбѣ съ ихъ яростію. Онъ грубъ, необразованъ, жестокъ; но вмѣстѣ великъ: ибо представляетъ могущество человѣчества въ сраженіи съ могуществомъ природы.

Куперъ имѣетъ свои недостатки, коихъ мы не позабыли. Для него существуетъ только одна страна въ мірѣ — Америка. Бытва

при Арбелахъ и Фарсалѣ, битва при Маренго и Аустерлицѣ, ничто для него въ сравненіи съ сраженіемъ при Бункерс-Гиллѣ. Другіе народы, можетъ быть, имѣютъ таланты; одни только Соединенные Штаты имѣютъ добродѣтели: геній, величіе, нравственная чистота— все, чѣмъ гордится и красуется человѣчество—сосредоточено на берегахъ Сускуеганы и Делавары. Остальная вселенная кажется *Куперу* жилищемъ варварства или разврата: удивительное ослѣпленіе исключительнаго патріотизма въ умѣ столь обширномъ и ясновидящемъ!

Гораздо значительнѣйшій недостатокъ, происходящій отъ самыхъ его достоинствъ, есть до излишества простертая привязанность къ прозаической положительности, господствующая въ его твореніяхъ. До него, свѣтъ не видалъ еще романиста, который былъ бы вмѣстѣ фабрикантъ, художникъ, ремесленникъ. *Куперъ* все это въ себѣ совмѣщаетъ. Это заставляетъ его матеріялизировать интересъ лучшихъ своихъ страницъ. Надобно ли спустить въ море корабль? Вы читаете цѣлый трактатъ о корабельномъ строеніи. Лопается ли канатъ? Вы узнаете, какъ работаются канаты и какими механическими средствами можно бъ было предупредить это. Онъ говоритъ все и слѣдовательно говоритъ слиш-

комъ. Онъ не оставитъ ни одной подробности безъ объясненія, ни одной отдушинки безъ описанія, ни одного уголка на кораблѣ, не сказавъ, изъ какого онъ дерева. Врагъ идеальнаго, онъ поступаетъ, какъ химикъ, какъ строгій аналитикъ, какъ механикъ, который хочетъ дать себѣ отчетъ обо всемъ. Самихъ людей онъ точно также наблюдаетъ и подвергаетъ дозорчивому, неумолимому изслѣдованію.

Исторія жизни его коротка. Фамилія его, урожденная изъ Графства Боккингамскаго въ Англіи, переселилась въ Америку около 1679 года. Самъ онъ родился въ Борлингтонѣ, на берегахъ Делавары, въ 1789 году, и получилъ первоначальное воспитаніе въ Коллегіи Яльской (Нью-Гавенской). Тринадцати лѣтъ, вступилъ онъ въ морскую службу. Это дало опредѣленное направленіе его уму: въ своихъ морскихъ путешествіяхъ, собралъ онъ элементы для высокихъ картинъ, коимъ свѣтъ удивляется теперь въ его твореніяхъ. Потомъ онъ женился на дочери Петра де Лансея, оставилъ службу, и, съ тѣхъ поръ, предался весь сочиненію романовъ.

Романы сіи являются ежегодно. Будучи переведены на всѣ почти Европейскіе языки, они произвели всеобщее движеніе въ Европѣ. Что касается до него самого, онъ забываетъ

объ нихъ тотчасъ послѣ изданія: никогда, по собственному его сознанію, не заглядывалъ онъ ни въ одно изъ своихъ печатныхъ сочиненій.

Большую часть жизни провелъ онъ на нашемъ материкѣ, особенно въ Парижѣ. Въ Англіи, его откровенность, прямота, строгость республиканскихъ началъ, изъ которыхъ онъ не дѣлалъ никакой тайны, національная гордость, которой онъ не скрывалъ и не хотѣлъ скрывать, были причиною, что онъ не входилъ никогда въ моду и не пользовался шумной славой гостиныхъ, которая покупается такъ часто цѣною искренности и прямодушія. Не смотря на то, высшія сословія вездѣ и всегда принимали его съ удивленіемъ и уваженіемъ. Кажется, онъ не столько гордился своимъ геніемъ, сколько тѣмъ, что онъ Американецъ, сынъ вольной и цвѣтущей республики. И дѣйствительно, въ немъ отразился мужественный, дѣятельный, промышленный геній его отчизны: талантъ его отсюда происходитъ; и онъ имѣетъ полное право гордиться отечествомъ, которое вдохнуло ему безсмертныя его творенія.

изъ New-Monthly Magazine.

VI.

РАЗЛУКА.

Какъ долги, вѣчны дни разлуки!
Какъ тяжко съ милой розно быть!
Какъ вы ужасны, сердца муки,
Когда васъ не съ кѣмъ раздѣлить!

Подобно гнѣву Провидѣнья,
Тоска любви томитъ меня;
Исчезла радость наслажденья,
Какъ искра тлѣвшаго огня!

Исчезли жизни упованья,
Какъ сонъ, какъ юная весна!
Погибли сладкія желанья,
И все, чѣмъ жизнь была красна!

Что было мнѣ милѣй природы,
Чѣмъ жизнь моя могла цвѣсти,
Что было сладостнѣй свободы —
Всему, всему сказалъ прости!

О мчитесь, мчитесь дни ненастья
И возвратите мнѣ ее:
Она мнѣ жизнь, она мнѣ счастье
И Провидѣніе мое!

Какъ долги, вѣчны дни разлуки!
Какъ тяжко съ милой розно быть!
Какъ вы ужасны, сердца муки,
Когда васъ не съ кѣмъ раздѣлить!

. . . ій . . . нъ.

VII.

РОСЛАВЛЕВЪ,

ИЛИ

РУССКІЕ ВЪ 1812 ГОДУ.

КРИТИКА

(Статья II).

Рославлевъ находится въ существенной связи съ *Юріемъ Милославскимъ*. Это двѣ картины, взаимно другъ другу соотвѣтствующія и другъ друга дополняющія. Обѣ онѣ, по намѣренію автора, должны составлять одну цѣльную панораму Русской народной жизни, представляя, въ параллельной противоположности, два ея торжественнѣйшіе момента, отдѣляемые другъ отъ друга пространствомъ двухъ вѣковъ. Мысль счастливая, богатая поэзіей и достойная энтузіазма!

Въ общей біографіи рода человѣческаго, жизнь народа Русскаго отличается особенною оригинальною физіономіею. На безпредѣльныхъ равнинахъ, составляющихъ издревле ея ложе, она, подобно имъ, однообразная и ровная, колышется всегда мирно и тихо. Даже, съ перваго взгляда, эта мирная тишина можетъ показаться бездѣйственною неподвижностью: такъ неощутимы ея медленные переливы! Летаргическій сонъ Азіятскаго существованія прерывается, по крайней мѣрѣ, взрывами страстей, быстро закипающихъ подъ знойнымъ тропическимъ небомъ: но, въ атмосферѣ Русскаго духа, внутреннее электричество рѣдко скопляется въ тучи, коихъ дыханіемъ нарушалась бы тишина, въ коей онъ почиваетъ. Это слѣд-

ствіе полночнаго холода, отъ котораго внутренняя природа человѣческая смерзается и цѣпенѣетъ наровнѣ съ внѣшнею природою. Той же самой причинѣ, которая ограждаетъ нашу суровую родину отъ землетрясеній и урагановъ, наша Русская душа обязана своею малодоступностью для бурныхъ страстей и волненій. Но не считайте этой наружной оледенѣлости признакомъ скудости внутренняго начала жизни. Точно также какъ Русская природа сжимается, но не умираетъ, подъ своимъ снѣговымъ черепомъ; въ душѣ Русской жизнь стынетъ, но не вымерзаетъ. Ледяная неподвижная кора покрываетъ поверхность: но подъ нею зыблются всегда свѣжія волны народа крѣпкаго, сильнаго, могучаго.

Безъ сомнѣнія, сія невозмутимая, всегда единообразная, тишина жизни имѣетъ свои поэтическія стороны: но для *романа*, очевидно, она не можетъ быть выгодна. *Романъ* есть представленіе жизни въ дѣйствіяхъ: его душу должно составлять движеніе. Но движеніе предполагаетъ волненіе и игру страстей: и потому жизнь тѣмъ способнѣе для *романа*, чѣмъ мятежнѣе и кипучѣе. *Вальтер-Скоттъ* родился въ Британіи—тамъ, гдѣ національная жизнь, образующаяся изъ стѣсненія разнороднѣйшихъ и враждебнѣйшихъ элементовъ въ скудномъ физическомъ пространствѣ, издревле въ самой себѣ носитъ сѣмена вѣчнаго броженія. Соединенные Штаты, гдѣ стихіи Британскія, брошенныя въ первобытный Американскій хаосъ, пробуждаютъ жизнь въ новыхъ оригинальныхъ формахъ—произвели *Купера*. Только здѣсь и могло быть отечество *романа*, который собственно долженъ быть не инымъ чѣмъ, какъ вольною исповѣдью тайнъ жизни народной! Но въ Русской народной жизни, переливa-

ющейся какъ медленно и однообразно, много ли сыщется тайнъ, коихъ исповѣдь могла бъ имѣть *романическую* занимательность? Если въ высшихъ слояхъ нашей общественной атмосферы примѣчаются нѣкоторыя движенія, то онѣ производятся чужими прививными понятіями, чужими наносными страстями: это не матеріялы для *народнаго Русскаго романа!* Опускайтеся ниже: вы начнете различать черты физіономіи оригинальной, живописной, поэтической, но — окованной неподвижностью, неоживленной игрою страстей и слѣдовательно лишенной *романическаго* рельефа. Въ нашихъ среднихъ и низшихъ сословіяхъ, гдѣ духъ Русскій сохраняется чище и неповрежденнѣе, вся жизнь обыкновенно бываетъ не что иное, какъ многолѣтнее повтореніе одного дня. Ея мирное теченіе, въ руслѣ непреложнаго однообразнаго порядка, рѣдко возмущается приключеніями: наилучшее тому доказательство — скудость нашихъ уголовныхъ лѣтописей. Русскій человѣкъ, по собственной поговоркѣ, *тянетъ лямку жизни*, ровнымъ, степеннымъ, одномѣрнымъ шагомъ. Онъ родится, живетъ и умираетъ безъ излишнихъ вычуръ. Его біографія слишкомъ коротка и проста: важнѣйшія эпохи ея заранѣе отмѣчены въ святцахъ. Даже самая любовь — это первое, возбуждаемое самою природою, біеніе жизни — играетъ у него роль весьма маловажную, если не совсѣмъ ничтожную. Коротко сказать — обыкновенной жизни Русской не достанетъ на *одну* порядочную *главу романа!*

Но природа, и на отдаленномъ сѣверѣ, имѣетъ свои періодическія эпохи, когда, опогрѣвная лучами весенняго солнца, сверженъ ледяный покровъ и явленся во цвѣтѣ жизнь. Тоже бываетъ и съ народами, како-

ва бы ни была физическая и нравственная температура ихъ организма. Въ жизни Русскаго народа были также моменты, когда внутренняя полнота его, почивающая въ безмятежной тишинѣ, воздымалась, потрясенная чудною силою, и являлась во всей роскоши сокровеннаго своего могущества. Къ чести Русскаго духа должно сознаться, что сила, производящая въ немъ сіи чудныя потрясенія, достойна великаго народа. Это любовь къ отечеству! Только сіе высокое и святое чувство могло колебать эту великую громаду исполинскихъ силъ и воззывать ее къ полной жизни. У другихъ націй, сіи достопримѣчательныя эпохи всеобщаго движенія бываютъ обыкновенно слѣдствіями внутренняго разъединенія: всколыханная страстями жизнь раздѣляется на многія гряды волнъ, другъ другу враждебныя, другъ друга поборающія: отсюда междуусобное ожесточеніе, осквернение престоловъ и алтарей, разрушеніе всѣхъ общественныхъ связей, пятнающее любопытнѣйшія страницы въ лѣтописяхъ народовъ. Не такъ бываетъ съ народомъ Русскимъ. Его всеобщее пробужденіе можетъ быть только слѣдствіемъ напряженнаго сосредоточенія всѣхъ силъ его. Русскій человѣкъ, не умѣющій составлять для себя отдѣльную атмосферу бытія, можетъ потрясаться только общимъ колебаніемъ сферы, къ коей принадлежитъ, можетъ жить полною жизнію только въ единствѣ жизни отечества.» И тогда-то обнаруживаются всѣ тайны его Русской природы: всѣ струны Русской его души издаютъ звуки полные, свѣтлые, могущественные. Смыслъ его жизни совершенно разгадывается: онъ является истиннымъ гражданиномъ и истиннымъ семьяниномъ, когда становится весь Русскимъ. Отсюда — высоко-

щій *Русскій народный романъ*, какъ картина Русской народной жизни, необходимо долженъ быть *романомъ патріотическимъ*. Патріотизмъ составляетъ основную стихію Русской народности. *Загоскинъ* понялъ это своею Русскою душею: и только одно безсмысленное невѣжество, подстрекаемое неслыханною дерзостью, могло кощунствовать и ругаться надъ тѣмъ, что, по справедливости, составляетъ высочайшее его достоинство.

Годы 1612 и 1812, избранные *Загоскинымъ* для своей *романической дилогіи*, неоспоримо суть блистательнѣйшія эпохи Русскаго патріотизма и слѣдовательно торжественнѣйшіе моменты Русской народной жизни. Оба они представляютъ зрѣлища, между собою сходныя, на которыхъ разыгрывается одна и таже великая драма, только съ перемѣною костюмовъ и декорацій. Вѣра въ Русскаго Бога, вѣрность къ престолу Русскихъ Царей и любовь къ святой землѣ Русской, пораженной нашествіемъ иноплеменниковъ въ самомъ сердцѣ ея, Москвѣ — были единственными пружинами, двигавшими народъ Русскій, въ обѣ сіи великія годины. Это сходство, конечно, весьма выгодно для параллельной соотвѣтственности обѣихъ картинъ; но имъ не уничтожается относительное различіе обѣихъ эпохъ, которое естественно не могло остаться безъ вліянія на относительное достоинство каждой картины.

Съ перваго взгляда, 1812 годъ, наполнившій вселенную шумомъ, коего отголоски не умрутъ во всѣхъ концахъ ея, кажется, имѣетъ рѣшительное преимущество предъ 1612 годомъ, коего воспоминанія скромно почиваютъ въ однихъ признательныхъ преданіяхъ Русской Исторіи. Но всматриваясь внимательнѣе и

безпристрастнѣе въ обѣ сіи эпохи, не льзя не сознаться, что, если 1812 годъ составляетъ важнѣйшую и блистательнѣйшую эру въ общей біографіи рода человѣческаго, то 1612 му году принадлежитъ неоспоримо почетнѣйшее мѣсто въ лѣтописяхъ собственно Русскихъ. Великое зрѣлище представлялъ народъ Русскій и тогда, когда, съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ, принесъ сердце свое, Москву, во всесожженіе, и дымящимися ея развалинами подавилъ враговъ своего величія. Но, въ это время онъ не былъ оставленъ одному себѣ, какъ въ незабвенную эпоху 1612 года. Его движенія управлялись тогда недремлющимъ провидѣніемъ верховной власти. Жизнь откликнулась въ немъ на отеческое призваніе Самодержца: онъ дѣйствовалъ не самъ изъ себя! . . Совершенно иначе было за два столѣтія. Тогда народъ Русскій былъ одинъ съ самимъ собою. У него не было главы, которая бъ управляла имъ. Онъ долженъ былъ двигать самъ себя, своею внутреннею силою. Отсюда 1612 годъ такъ богатъ народными героями, представителями Русскаго духа и патріотизма. Не имѣя общаго законнаго средоточія жизни, каждое сословіе народа Русскаго должно было сосредоточиваться само въ себѣ и образовать для себя изъ себя же самаго отдѣльное начало движенія и дѣйствованія. Князь Пожарскій, инокъ Палицынъ и гражданинъ Мининъ составляли высокій тріумвиратъ, коимъ пройсшественный составъ народа Русскаго представлялся во всемъ торжествѣ силъ своихъ. На ихъ героическихъ лицахъ выражались, въ идеальномъ величіи, главныя черты народной Русской физіономіи. Ихъ подвиги принадлежали не имъ, а народу, коего они были органами. И какое высокое дѣло совершилъ тогда сей народъ, въ лицѣ ихъ?

Безпримѣрнымъ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, онѣ рѣшилъ навсегда задачу бытія своего, запечатлѣвъ чистѣйшею своею кровію невозможность существовать иначе, какъ подъ сѣнію престола законныхъ Царей Русскихъ! Вотъ причины, по которымъ эпоха 1612 года должна быть признана торжественнѣйшею эпохою въ лѣтописяхъ Русской народной жизни! Невѣжество осмѣлилось, съ виновнымъ кощунствомъ, назвать эту незабвенную годину, эпу великую эру, съ коей Русская земля должна считать свое бытіе и величіе—*коньколъ нашего народнаго самолюбія* а) ! ! ! Но что значитъ передъ этимъ *коньколъ* знаменитый *конь Троянскій*, на которомъ Греція и Римъ ѣздили цѣлые вѣки? Нашъ 1612 годъ сіяетъ истинно божественнымъ величіемъ: его достанетъ съ избыткомъ на Русскую Иліаду: онъ преисполненъ сокровищами высшей народной поэзіи!

Но не одно это внутреннее превосходство даетъ 1612му году бо́льшія выгоды для художественной обработки, чѣмъ 1812му. Сей послѣдній слишкомъ къ намъ близокъ. Настоящее поколѣніе состоитъ еще изъ очевидныхъ свидѣтелей или даже изъ дѣятельныхъ сподвижниковъ этой славной эпохи. Каждый изъ насъ связанъ съ ней собственными воспоминаніями: каждый имѣетъ на нее свою особую точку зрѣнія: каждый знаетъ въ ней лично для себя интересную сторону. И возможно ли, чтобы художественное представленіе, сколь бы оно ни было полно и многосторонно, совмѣстило всѣ сіи безчисленныя точки и удовлетворило всѣ эти несмѣтно мелкіе интересы? Нор-

---

а) *Моск. Телегр.* N. 8, с. 540.

трепъ всѣмъ знакомаго современника, написанный величайшимъ маспіеромъ, никогда не заслужитъ единогласнаго одобренія: тѣ или другіе оспанутся имъ недовольны; ибо не найдутъ въ немъ завѣтныхъ примѣтъ, съ коими привыкли представлять изображенное лице, и которыя, по причинѣ ихъ существенной неважности, естественно должны были ускользнуть изъ подъ кисти живописца. Сіи неудобства конечно не могутъ имѣть мѣста при изображеніи эпохи отдаленной, живущей въ общемъ безстрастномъ воспоминаніи. Озаривъ ее поэтическимъ свѣтомъ, художникъ даетъ ей одинъ общій интересъ, долженствующій отозваться во всѣхъ однимъ общимъ эффектомъ. Онъ раждаетъ иногда самъ участіе; и потому повелѣваетъ имъ полновластно: между тѣмъ, какъ изображая современныя событія, необходимо долженъ быть рабомъ современнаго мнѣнія, столь разнообразнаго и прихотливаго. Тамъ онъ владѣетъ публикой: здѣсь публика имъ владѣетъ. Тамъ, силою искусства, онъ можетъ заставлять всѣхъ безусловно ему довѣриться: здѣсь онъ принужденъ безропотно дозволять каждому повѣрять его. Коротко сказать — современныя событія могутъ только пробуждать мгновенные восторги лирическаго одушевленія. Но для поэтическаго представленія онѣ столь же мало выгодны, какъ и для исторіи. Время должно изсушить ихъ, дабы геній, чуждый всякаго личнаго къ нимъ пристрастія, въ полной свободѣ одушевленія, могъ произвести надъ ними творческую палингенезію.

Отсюда очевидно, что *Рославлевъ* не могъ быть принятъ съ такимъ единодушнымъ участіемъ, какъ *Юрій Милославскій*. Не естественно было, чтобы всякой могъ имъ удовлетвориться: ибо не возможно было,

чтобы всякой нашелъ въ немъ свой образъ воззрѣнія на событія, коихъ былъ самовидцемъ и соучастникомъ. Сверхъ того, внутреннее поэтическое превосходство находилось на сторонѣ эпохи, изображенной въ *Юріѣ Милославскомъ*. Историческіе подвиги Мининыхъ, Палицыныхъ и Пожарскихъ, естественно должны были имѣть преимущество надъ анекдотическими чертами современнаго народнаго героизма. Сумракъ старины, придавая имъ колоссальную величественность, усугублялъ ихъ очарованіе. Разсматривая вѣрную картину современныхъ событій, пріятно сказать: »*это такъ было!*« Но несравненно пріятнѣе, видя предъ собой развертывающіяся

Дѣла давно минувшихъ дней,

произнесть съ чувствомъ сердечнаго умиленія: »*вотъ какъ бывало прежде!*«

Однако не смотря на то, главная идея романиста является выполненною не безъ успѣха. *Рославлевъ* поставленъ во всевозможной соотвѣтственности съ *Юріемъ Милославскимъ*. Сравнивая обѣ сіи картины, легко замѣчаешь различіе, произведенное двумя вѣками во всѣхъ главныхъ чертахъ гранитной физіономіи Русскаго народа. Одинъ и тотъже духъ оживляетъ ее, но подъ весьма различными формами. Какое разстояніе между дикими оргіями Боярина *Кручины-Шалонскаго* и разливнымъ хлѣбосольствомъ богатаго помѣщика *Ижорскаго*: и однако основаніемъ имъ служитъ одна и таже хвастливая расточительность, составляющая стихійную черту Русскаго барства! Великъ переходъ отъ *Отца Еремея*, правящаго Шишей благословеніемъ и пеплею, до ученаго *Семинариста*, сбирающагося воевать съ Французами по

по Комментаріямъ Юлія Цесаря de bello Gallico: но и въ томъ и въ другомъ выражается одно и тоже характеристическое свойство Русскаго Духовенства— увѣренность въ неразрывномъ единствѣ алтаря съ престоломъ, вѣры съ вѣрностью. Въ Запорожцѣ *Кирилъ* и кавалеристъ *Зарѣцкомъ* авторъ, кажется, хотѣлъ олицетворить то безпечное, разгульное молодечество, которое составляетъ высшую поэзію Русской народной жизни: но различіе между вольнымъ, бездомнымъ казакомъ XVII столѣтія и вѣтренымъ, паркетнымъ космополитомъ XIX вѣка, опять ощутительно. Патріархальная кротость *Анастасіи* и романическая мечтательность *Полины* представляютъ уже слишкомъ противоположныя крайности: но портретъ *Олиньки*, въ коемъ ясно выражается Русское дѣвическое самоотверженіе, производитъ пріятную увѣренность, что Анастасіи еще на Руси не вывелись. Двухвѣковое разстояніе ощутительно даже въ самомъ низшемъ классѣ Русскаго народа, меньше всѣхъ подверженномъ измѣненію: православные Русскіе мужички сохраняютъ тоже нерушимое благоговѣніе къ имени Русскому и туже заклятую ненависть ко всему иноземному; но сіи чувства управляются въ нихъ уже не слѣпымъ инстинктомъ, какъ прежде, а и смѣтливостію здраваго естественнаго смысла: *дядя Савельичъ* пускается въ разсужденія, чтобы вразумить *Андрея*, у котораго умъ началъ заходить за разумъ. Но всего разительнѣе характеры обѣихъ эпохъ отмѣчены въ эпилогахъ, заключающихъ каждый изъ обоихъ романовъ. Спеченіе богомольцевъ въ обители Святаго Сергія и дружеское собраніе пріятелей въ саду; простый надгробный камень, покрывающій могилу двухъ счастливыхъ супруговъ, умершихъ въ одинъ день, и печальная урна,

заключающая пепелъ злополучной, изнывшей въ страданіяхъ, внѣ предѣловъ покинутаго отечества—вотъ краснорѣчивые символы XVII и XIX столѣтія! Столь искусно выдержанная соотвѣтственность между обѣими картинами составляетъ неоспоримо ихъ достоинство: и однако сыскались невѣжды, кои вздумали поставить это въ вину автору, провозглашая, что онъ *повторилъ самаго себя* а)! Несчастные! Имъ остается теперь обругать природу, за то что она въ организмѣ нашемъ устроила *два* глаза, кои *оба* одинъ и тотже предметъ *повторяютъ*!

И такъ оба романа *Загоскина*, сообразно намѣренію автора, составляютъ одну цѣльную панораму. Главное, неоспоримое достоинство ихъ состоитъ въ истинѣ, вѣрности и естественности красокъ, коими Русская жизнь въ нихъ изображается. *Загоскинъ* первый угадалъ тайну писать Русскихъ съ натуры. Въ его картинахъ являются не бездушныя выжиги изъ чужеземнаго матеріяла, одѣтыя въ Русское платье и названныя Русскими именами, а живыя лица, на которыхъ сіяетъ ярко оригинальная печать Русской народности. Ни одной чертой, ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не измѣняютъ онѣ своему Русскому имени и костюму. Въ нихъ, говоря Русскою поговоркою »*Русскій духъ въ очью проявляется*«. Посему онѣ имѣютъ полное право на имя *романовъ* въ томъ смыслѣ, который присвоиваетъ имъ настоящее употребленіе. Это *Русскія картины* Русской *жизни*! Это *Русскіе романы*!

Но оправдывается ли сіе имя ихъ художественною отдѣлкою? Мы сказали, что *романъ*, по нынѣшнему понятію, не принадлежитъ ни къ *эпической*, ни къ *лирической*, ни къ *драматической* поэзіи, а есть

а) *Моск. Тел. N.* 8 с 541.

общая ихъ цѣлость: почему и разсмотримъ теперь оба произведенія *Загоскина* со всѣхъ *трехъ* поэтическихъ точекъ зрѣнія, кои должны соединяться въ *романѣ*. И именно—

Въ отношеніи *лирическомъ*, оба романа *Загоскина* имѣютъ высокое достоинство. Они проникнуты до избытка теплотою чувства. Это чувство есть любовь къ отечеству, составляющая, какъ было замѣчено, основное и единственное начало движенія Русской народной жизни. Оно господствуетъ въ обѣихъ картинахъ, не подавляя однако прочихъ чувствованій, составляющихъ исторію сердца человѣческаго. Таковы чувствованія любви, дружбы, родительской и дѣтской привязанности, нравственнаго долга и религіознаго одушевленія, съ ихъ противоположностями. *Загоскинъ* умѣлъ извлечь всѣ сіи ощущенія изъ сѣверной Русской души, растопивъ ее пламенемъ патріотическаго энтузіазма. Само собою разумѣется, что онѣ подчиняются одному общему чувству патріотизма, составляющему ихъ начало. Но въ *Юріѣ Милославскомъ* онѣ имѣютъ довольно самостоятельности и отливаются довольно рѣзко. Лица, дѣйствующія въ немъ, кромѣ участія въ общемъ интересѣ романа, запутываются своими личными интересами въ разнообразныя положенія, имѣющія большую или меньшую романическую занимательность. Таково положеніе *Юрія*, въ коемъ благородное патріотическое одушевленіе находится въ безпрестанной борьбѣ то съ тяжестію нерѣшимой клятвы, то съ мученіями любви безнадежной; *Анастасіи*, которая отъ неминуемой гибели, приготовленной ей убійцами отца ея, переходитъ внезапно къ брачному алтарю и соединяется съ своимъ возлюбленнымъ; *Кручины-Шалонскаго*, на

порогѣ жизни, воскрешаемаго, благодатною рукою *Юродиваго*, изъ ужасовъ смертнаго отчаянія къ сладкой надеждѣ блаженной вѣчности. Напротивъ въ *Рославлевѣ* главное чувство патріотизма рѣшительно преобладаетъ, такъ что всѣ прочія ощущенія въ немъ какбы теряются. Самая любовь *Рославлева* къ *Полинѣ*, долженствовавшая, по видимому, составлять одинъ изъ главныхъ узловъ романической ткани, не удержалась долго: ея стало только на двѣ части романа. Отсюда — *Юрій Милославскій* гораздо богаче трогательными сценами, возбуждающими сердечное участіе къ дѣйствующимъ лицамъ. Въ *Рославлевѣ* только одна сцена имѣетъ подобное достоинство: это свадьба *Полины* съ *Графолѣ Сенкуролѣ*, внезапно застигнутая *Рославлевымъ*. За то главное чувство любви къ отечеству представлено здѣсь въ болѣе многочисленныхъ видахъ, съ большимъ разнообразіемъ въ оттѣнкахъ. Такъ въ *Сурскомъ* оно возведено на степень идеальнаго одушевленія, въ *Ижорскомъ* является добродушнымъ изліяніемъ сердца, въ *Буркинѣ* переходитъ въ вакхическое упоеніе, въ *Зарядьевѣ* огрублено до животнаго инстинкта, въ *безымянномъ Незнакомцѣ* закалено въ звѣрское ожесточеніе. Все это имѣетъ свою занимательность; но не отзывается въ душѣ тѣмъ разнообразіемъ впечатлѣній, коимъ измѣряется *лирическое* богатство *романа*.

Въ отношеніи *драматическомъ*, оба произведенія *Загоскина* имѣютъ одинъ недостатокъ. Въ нихъ характеры обработаны слишкомъ слабо и не имѣютъ довольно внутренней упругости, чтобъ быть дѣятельными пружинами общаго движенія. Нельзя сказать, чтобы лица, изображаемыя въ нихъ, были безцвѣтны, но менѣе бездушны. Онѣ запечатлѣны жи-

вою физіономіею, выражающею опредѣленный смыслъ, ясно и вразумительно. Но имъ вообще не достаетъ могущества, силы, энергіи. Съ какою-то лѣнивою безпечностію, они дозволяютъ идти общему порядку вещей, увлекаясь имъ, а не управляя. Правда, эта флегматическая косность находится, какъ мы уже замѣтили, въ характерѣ народа Русскаго: и картины *Загоскина*, можетъ быть, чрезъ то не теряютъ нисколько въ вѣрности. Но это лишаетъ ихъ драматической живости, которая составляетъ одно изъ главныхъ условій романической занимательности. Онѣ представляютъ коллекцію фигуръ, движущихся въ болѣе или менѣе интересныхъ положеніяхъ, а не стройное зрѣлище органически развивающейся жизни. Въ нихъ изображается живо и вѣрно наружная физіономія народа Русскаго, внѣшній Русскій бытъ, а не внутренняя психологическая исторія Русскаго человѣка. Посему и ходъ обоихъ романовъ, неутвержденный на крѣпкихъ осяхъ непреложныхъ законовъ внутренней человѣческой природы, ощутительно зыбокъ. Онъ не управляется тою нравственною необходимостію свободы, которая составляетъ начало драматической жизни: случай имѣетъ надъ нимъ слишкомъ много власти. И въ *Рославлевѣ* это болѣе примѣтно, чѣмъ въ *Юріѣ Милославскомъ*. Обстоятельства, составляющія ткань его, сплетаются и расплетаются слишкомъ произвольно: лица сходятся и расходятся слишкомъ случайно. Недостатки, прикрываемые въ *Юріѣ Милославскомъ* театральною нечаянностію, которая сохраняетъ *роману*, по крайней мѣрѣ, призракъ *драматическаго* зрѣлища.

Наконецъ въ отношеніи *эпическомъ*, и то и другое произведеніе *Загоскина* равно отличаются живо-

стію, вѣрностію и полнотою расказа. Составъ ихъ имѣетъ достаточную обширность и разнообразіе. Всѣ сословія народа Русскаго имѣютъ въ нихъ своихъ представителей, коихъ физіономіи выработаны съ довольно мѣлкою подробностію. Но ихъ общій недостатокъ есть недостатокъ единства между событіями и лицами, составляющими эпическую ткань ихъ. Обыкновенно средоточіемъ сего единства бываетъ судьба лица, избраннаго главнымъ героемъ повѣствованія: и лице сіе потому должно, если не затмѣваетъ всѣ прочія, то по крайней мѣрѣ выдаваться изъ всѣхъ рѣзкостію и значительностію физіономіи. Но главные герои обоихъ романовъ *Загоскина* отличаются какъ будто нарочно невидностію и незначительностію. Вниманіе не приковывается къ нимъ ни одною рѣзкою чертою характеристической физіономіи; и посему, не принимая въ судьбѣ ихъ предпочтительнаго участія, равнодушно разсѣевается повсюду и не можетъ держаться на одной точкѣ зрѣнія. Такъ *Юрій Милославскій* почти затмѣвается *Киршею*, котораго живая дѣятельность, разливаясь по всему роману, невольно пригвождаетъ къ себѣ участіе и такимъ образомъ двоитъ всю картину. Въ *Рославлевѣ* нѣтъ подобнаго соперника главному герою: но за то судьба его, долженствующая составлять средоточіе романа, еще менѣе имѣетъ важности и значительности въ его составѣ, чѣмъ судьба *Юрія Милославскаго*. Тамъ если не всѣ дѣйствія *Кирши*, то по крайней мѣрѣ самъ онъ находится въ существенной связи съ судьбою *Юрія*: но въ *Рославлевѣ* многія лица, съ замѣчательною физіономіею, являются безъ всякаго участія въ немъ и даже безъ всякаго съ нимъ сношенія. Таковъ н. п. *безымянный Незнакомецъ*,

котораго всѣ отношенія къ *Рославлеву* ограничиваются двукратнымъ, совершенно случайнымъ, свиданіемъ. Такова даже *Ѳедора*—это любопытное явленіе, принадлежащее къ самымъ характеристическимъ особенностямъ Русской народности. Встрѣтивъ сіе страшилище въ романѣ, мы ожидали, что оно станетъ играть здѣсь туже роль, которая дана *Юродивому* въ *Милославскомъ*—будетъ органомъ, исполковывающимъ безвѣстныя тайны судьбы, и орудіемъ, приводящимъ въ исполненіе непреложныя ея велѣнія. Но ожиданія сіи не совсѣмъ исполнились. Это оригинальное лице, обѣщавшее представить въ себѣ Русскую *Эльспетъ* или Русскую *Вильдфейръ*, не поставлено въ необходимой внутренней связи съ цѣлостію романа: оно является въ немъ только раза два-три мимолетнымъ мепеоромъ, не для содѣйствія ходу цѣлаго, а для произведенія мѣстнаго театральнаго эффекта. Тоже можно сказать и о многихъ другихъ лицахъ и событіяхъ, кои, безъ отношенія къ одному общему средоточію, образуютъ собой прекрасную галлерею занимательныхъ картинъ, но не одну цѣльную *эпическую* панораму.

Явно отсюда, что *Рославлевъ*, въ разсужденіи художественной обработки, уступаетъ *Юрію Милославскому*. Тѣмъ однако не менѣе, онъ остается картиною прекрасною, живою, оригинальною, которая, вмѣстѣ съ *Юріемъ Милославскимъ*, составляетъ украшеніе и гордость нашей народной словесности. Къ удовольствію нашему, Европа оцѣнила достойно *Юрія Милославскаго*: а) надѣемся, что и *Рославлевъ* не

а) Читатели *Телескопа* знаютъ сужденіе о *Юріѣ Милославскомъ*, помѣщенное въ Wiener Zeitschrift. Въ *Bibliotheque Universelle* (1831, *Avril*, *N.* 4), находится другая

уронишъ себя предъ нею. Можно даже полагать, что онъ принесетъ ей еще большее удовольствіе: ибо она прочтетъ въ немъ любопытныя, такъ сказать, семейныя записки незабвенной для ней эпохи, когда, во глубинѣ сѣвера, изъ пепла Москвы, возродилась собственная ея свобода!

Зная *М. Н. Загоскина*, мы увѣрены, что онъ не остановится на поприщѣ, на которое вступилъ такъ славно. Ожидаемъ опъ него съ нетерпѣніемъ другихъ произведеній, въ коихъ надѣемся увидѣть прекрасный талантъ его въ большемъ совершенствѣ и блескѣ. Народная Русская жизнь ему такъ знакома: лѣтописи ея такъ обширны! Тогда какъ непризванные пришельцы, ворвавшись на пустырь нашей словесности, выжигаютъ изъ добраго Русскаго народа безобразныя и нелѣпыя каррикатуры: намъ отрадно будетъ любоваться его картинами, начертанными Русской кистью, проникнутыми Русскимъ духомъ!

Но сіи прекрасныя надежды, да позволено будетъ намъ заключить изъявленіемъ достойнаго негодованія,

---

рецензія того же романа, болѣе обширная: въ ней произведенію *Загоскина* отдается должная справедливость. У насъ напротивъ, въ *Московскомъ Телеграфѣ*, досталось не только *Юрію Милославскому*, но и *Вѣнскому Журналу*, который осмѣлился отозваться объ немъ благосклонно. Этотъ Журналъ, въ которомъ принимаютъ участіе извѣстный филологъ Гаммеръ и астрономъ Литтроффъ, названъ въ *Телеграфѣ—Гирляндою, Колокольчикомъ!!!* Послѣднее названіе, въ нѣкоторомъ отношеніи, справедливо. Wiener Zeitschrift точно, подобно *Колокольчику*, прозвонилъ нѣкогда по Европѣ безчестіе, наносимое Русской Словесности *Московскимъ Телеграфомъ*.

или лучше презрѣнія къ дерзости, осмѣлившейся, во услышаніе всѣхъ, упрекать почтеннаго автора *Рославлева* и *Юрія Милославскаго* въ *»патріотическомъ хвастовствѣ Русью«* а). Называть *хвастовствомъ* благородное одушевленіе Русскаго, восхищающагося славою и величіемъ своего отечества! ! ! Нѣтъ: это уже выше всякой мѣры! И добро бы это патріотическое одушевленіе въ самомъ дѣлѣ простиралось до чрезмѣрнаго излишества. Ругатель, оскорбившій въ лицѣ *М. Н. Загоскина* всѣхъ Русскихъ, съ наслажденіемъ читающихъ его *хвастливыя патріотическія* произведенія, подкрѣпляетъ свою безумную хулу явною клеветою, утверждая съ неслыханною дерзостію, что *М. Н. Загоскинъ* въ своихъ романахъ *»унижаетъ враговъ нашихъ и представляетъ ихъ дураками и сумазбродами.«* Спрашивается—гдѣ это? Въ *Юріѣ Милославскомъ*, Полякъ *Копычинскій* дѣйствительно представленъ дуракомъ и уродомъ: но развѣ вмѣстѣ съ нимъ не выведенъ на сцену другой Полякъ, Панъ *Тишкевичъ*, отличающійся благородствомъ мыслей и чувствованій? Чтожъ касается до *Рославлева*, то въ немъ нѣтъ ни одной черты оскорбительной для Французовъ, хотя, правду сказать, впорженіе ихъ въ Москву, предшествуемое выпускомъ фальшивыхъ ассигнацій, сопровождаемое поруганіемъ алтарей и окончившееся взрывомъ беззащитныхъ Кремлевскихъ стѣнъ, приносило не много чести просвѣщеннѣйшей Европейской націи. Даже напротивъ, всѣ Французы, являющіеся въ романѣ, носятъ на себѣ печать благородства; особенно *Шалмбюръ*, коего рыцарское откровенное удальство привязываетъ къ нему невольное участіе и заставъ-

а) *Моск. Телегр. N.* 8, с. 542.

ляетъ совершенно забывать въ немъ закляпаго врага Русскихъ. Если иногда прорываются выходки противъ *Наполеона,* кои могутъ показаться несправедливыми, то это совсѣмъ не отъ патріотическаго предубѣжденія, а отъ особеннаго образа воззрѣнія на это дивное созданіе, коего нравственный смыслъ не получилъ еще по сю пору опредѣленнаго рѣшенія. Гдѣ же это униженіе враговъ, которое выставляется доказательствомъ *патріотическаго хвастовства Загоскина*? Да и можетъ ли имѣть смыслъ сіе послѣднее выраженіе? Что такое *патріотическое хвастовство? Хвастаться* значитъ хвалиться вещами, не имѣющими истиннаго достоинства, не заслуживающими истиннаго уваженія. Но развѣ *отечество* можетъ быть когда нибудь ниже чувства, ему приносимаго? Развѣ можно *захвалиться* чрезъ мѣру *отечествомъ?* Не должно ли оно быть дороже всѣхъ сокровищъ, выше всѣхъ похвалъ для истинныхъ сыновъ своихъ? Европейцу можетъ еще показаться *хвастовствомъ* самодовольная гордость дикаго сына Канадскихъ лѣсовъ, признающаго надменно свой родный вигвамъ святилищемъ земнаго блаженства и свое звѣронравное племя лучшимъ цвѣтомъ человѣчества: но и это *хвастовство* безконечно возвышеннѣе лживыхъ софизмовъ мнимаго космополитизма, коими обыкновенно прикрывается скудость души, изсушенной эгоизмомъ. А *Русскаго* можно ли подозрѣвать въ *хвастовствѣ* своимъ *отечествомъ?* Славой Русской никогда не льзя достойно нахвалиться: въ отношеніи къ этому великому колоссу, всякая гипербола будетъ скромной истиной. Завистливое недоброжелательство враговъ Русскихъ давно старается посѣвать въ насъ недовѣрчивость къ нашему народному достоинству и уни-

жаль насъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ: это имъ нужно! И, по несчастію, есть слабыя души, кои, увлекаясь сими злонамѣренными навѣтами, теряютъ любовь и уваженіе къ священному имени Русскому. Славная эпоха 1812 года, обнаружившая слишкомъ торжественно внутреннюю полноту духа Русскаго, сокрушила это несчастное ослѣпленіе, но не истребила совершенно: оно является теперь опять, только подъ другими, болѣе благовидными, но не менѣе отвратительными формами. Тѣмъ болѣе благодарности почтенному автору *Рославлева* и *Милославскаго*, поддерживающему въ добромъ народѣ Русскомъ вѣру въ свое достоинство и величіе, коего торжественные опыты не престаютъ повторяться предъ глазами вселенной. Если каждый легкомысленный Французъ, не краснѣясь, предъ лицемъ всего свѣта, *хвастается* своею прекрасною Франціею и своимъ Парижемъ, который простодушно считаетъ зеницомъ вселенной и который въ настоящія времена должно по справедливости признать надиромъ просвѣщеннаго міра: то Русскому ли стыдиться хвалить свою благословенную Россію, не измѣнявшую никогда чести и славѣ? Мы увѣрены, что почтенный *М. Н. Загоскинъ*, съ своей стороны, наградитъ равнымъ презрѣніемъ эти недостойныя выходки и, съ тѣмъ же благороднымъ одушевленіемъ, будетъ воскрешать предъ нами, въ новыхъ картинахъ, славу и величіе Русскихъ—

Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы!

VIII

БИБЛІОГРАФІЯ.

—рѣчи, *произнесенныя въ торжественномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, Іюля 3 дня 1831 года, съ приложеніемъ краткой годовой исторіи онаго. Москва, въ Универ. Типографіи*, 1831.—Лѣтописи Московскаго Университета составляютъ важнѣйшую часть Исторіи Русскаго Просвѣщенія, коего Университетъ Московскій по справедливости долженъ быть признанъ средоточіемъ. Находясь въ Москвѣ, средоточіи Русскаго царства, сіе высокое училище, снабженное средствами въ преимущественномъ предъ прочими изобиліи, воспитываетъ подъ сѣнію своею лучшій цвѣтъ Русскаго юношества. Сюда предпочтительно, со всѣхъ концевъ Имперіи, спекаются начатки новыхъ поколѣній: здѣсь зачинаются надежды Россіи. Посему каждая значительная перемѣна, происходящая во внутреннемъ или внѣшнемъ устроеніи Московскаго Университета, должна составлять любопытный фактъ въ ученыхъ лѣтописяхъ нашего отечества.

Прошлый академическій годъ, ознаменованный въ своемъ началѣ общимъ бѣдствіемъ, постигшимъ Москву, естественно не могъ быть благопріятенъ для Университета. По причинѣ холеры, преподаваніе лекцій было прекращено почти на четыре мѣсяца. Начальство признало эту потерю невознаградимою для воспитанниковъ; и потому годъ сей положено не считать въ трехгодичномъ курсѣ студентовъ.

Но гораздо существеннѣйшею утратою для Университета была смерть лучшаго и достойнѣйшаго Профессора, *А. Ѳ. Мерзлякова*. Каѳедра отечественной

словесности, важнѣйшая въ Университетѣ, сдѣлала въ немъ потерю, которую вознаградить дѣйствительно трудно. Ибо скоро ли найдется для ней другой *Мерзляковъ*, который, самъ равно проникнутый энтузіазмомъ къ родному слову, умѣлъ бы съ равною силою возбуждать энтузіазмъ сей въ слушателяхъ? Могутъ сыскаться наставники болѣе ученые, болѣе глубокіе, болѣе основательные: но принесутъ ли они съ собой на кафедру равное одушевленіе, равную жизнь! Кромѣ *Мерзлякова*, Университетъ, въ началѣ года, лишился еще двухъ почтенныхъ наставниковъ: Ординарнаго Профессора Технологіи, *Ѳ. А. Денисова*, и Экстраординарнаго Профессора, преподававшаго Общую Патологію и Терапію, *В. И. Ромодановскаго*. Наконецъ годъ сей заключился новою важною утратою, въ лицѣ знаменитаго Врача и Профессора, *М. Я. Мудрова*. Къ сожалѣнію и вмѣстѣ къ славѣ Университета, онъ палъ съ честію, на полѣ битвы, сражаясь въ Петербургѣ съ холерою, которую преслѣдовалъ по всему пространству Россіи. Кафедра его ожидаетъ достойнаго преемника.

Всѣхъ учащихся въ Университетѣ, въ продолженіе года, было 786. Въ губерніяхъ, составляющихъ его округъ, открыто уѣздныхъ училищъ 2, приходскихъ 3, частныхъ пансіоновъ 4, и приготовлено къ открытію 1 уѣздное училище; закрыто приходскихъ училищъ 2, частныхъ пансіоновъ 2. Нынѣ находится всѣхъ гимназій 11, уѣздныхъ училищъ 87, приходскихъ 170, пансіоновъ 36; въ нихъ учащихся 15,137, изъ коихъ въ гимназіяхъ 1,181, въ уѣздныхъ училищахъ 5,174, въ приходскихъ училищахъ 7, 774, въ пансіонахъ мужескаго пола 443, женскаго 565.

Въ отношеніи къ внутрѣннему совершенствованію

ученыхъ средствъ Университета, замѣчательно приведеніе къ окончанію зданія Обсерваторіи. Астрономическіе снаряды для ней выписаны изъ знаменитаго Минхенскаго заведенія *Утцшнейдера*; сверхъ того приготовлены астрономическіе часы извѣстными по своему искусству Русскими художниками, *Толстыми*, которые исправили также и другіе весьма надежные часы работы Французскаго часовщика *Лепота*. Для современныхъ наблюденій надъ магнитною силою земли, по приглашенію Академіи Наукъ, устроенъ при обсерваторіи особый павильонъ, въ которомъ имѣютъ быть помѣщены весьма хорошіе магнитные снаряды, пріобрѣтенные Университетомъ на Московской Выставкѣ Русскихъ издѣлій. Такимъ образомъ при Университетѣ будутъ производиться астрономическія и магнитныя наблюденія, кои, при извѣстной дѣятельности почтеннаго Профессора *Д. М. Перевощикова*, не замедлятъ ввести Московскій Университетъ въ благородное соучастіе съ Европою, къ пользѣ Естествознанія.

Внѣшнее вліяніе Московскаго Университета, въ прошломъ академическомъ году, распространило значительно кругъ свой. При совершенномъ преобразованіи учебныхъ заведеній въ Бѣлоруссіи, Московскій Университетъ снабдилъ ихъ преимущественно наставниками. Предпочтительное вниманіе, съ коимъ Правительство обращается къ нему во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, показываетъ, какая важная и главная роль назначена ему въ исторіи Русскаго просвѣщенія. Быть разсадникомъ, воспитывающимъ сѣмена Русскаго духа для всѣхъ концевъ великой Имперіи—вотъ цѣль, къ коей призванъ онъ своимъ положеніемъ и довѣренностію отечества!

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи,

коимъ заключился истекшій учебный годъ, были: *Слово о существенныхъ обязанностяхъ Витіи и о способахъ къ пріобрѣтенію успѣховъ въ Краснорѣчіи*, Э. О. Профессора *Побѣдоносцева*, и *Oratio de nonnullis corporis humani partibus, quarum usus adhuc nondum plane cognitus est*, Э. О. Профессора *Эйнбродта*.

—ИЗБРАННЫЙ НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ. *Переводъ Александра Шишкова 2-го. Томъ первый, содержащій въ себѣ трагедіи: I) Пикколомини, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, и II) Смерть Валленштейна, въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Шиллера. Москва, въ Унив. Типографіи*, 1831.—Доброе начало—половина дѣла, по Русской пословицѣ, и эта пословица можетъ быть приличнымъ эпиграфомъ къ началу труда, предпринятаго *Г. Шишковымъ*, къ пользѣ и чести нашей словесности.

Современный Нѣмецкій Театръ есть явленіе важное въ лѣтописяхъ современнаго просвѣщенія. Тогда какъ вездѣ почти драматическая поэзія, разрѣшаясь отъ сценическихъ условій въ романѣ и другихъ нововымышленныхъ формахъ, оставляетъ театръ въ добычу нестрымъ игрищамъ, тѣшащимъ на подрядъ праздное любопытство: въ Германіи напротивъ, геній, кажется, набралъ сцену предпочтительно своимъ любимымъ поприщемъ. Наилучшія произведенія современной Нѣмецкой поэзіи суть неоспоримо произведенія сценическія: превосходнѣйшіе геніи, коими красуется Германія, олицетворили свои высшіе воспорги въ драматическихъ зрѣлищахъ. Отсюда современный Нѣмецкій театръ ознаменованъ печатію глубокой оригинальности. Жизнь, въ другихъ странахъ разоблачаемая на сценѣ до прозаической наготы, здѣсь является въ иде-

альномъ величественномъ сіяніи. Это нисколько не вредитъ истинѣ, составляющей существенную потребность современной поэзіи: ибо явленія жизни чрезъ то не искажаются, а только представляются съ высшей точки зрѣнія, но вымышляемой, а угадываемой поэтическимъ одушевленіемъ. Посему на Нѣмецкой только сценѣ можетъ держаться и дѣйствительно держится трагедія, сообразная, разумѣется, современнымъ понятіямъ и потребностямъ. Ни во Франціи, ни въ Англіи, нѣтъ нынѣ истинной трагедіи, какъ представленія жизни въ ея идеальномъ величіи: имя еще существуетъ, но внутренняя сила замѣняется обыкновенно или педантическою декламаціею или мелодраматическою фантасмагоріею. На одной только Нѣмецкой сценѣ умѣютъ идеализировать жизнь, не подымая на ходули и не окружая оптическими призраками. Мы разумѣемъ здѣсь лучшія произведенія Нѣмецкой сцены: ибо въ мѣлкой рухляди, коею заваливается она ежедневно, это идеализированіе превращается, по большей части, въ напыщенную мечтательность или даже въ метафизическое мракобѣсіе.

Европа, не смотря на недавнее всеобщее предубѣжденіе противъ Германіи, отдаетъ теперь полную справедливость Нѣмецкому Театру и ознакомливается безпрестанно съ лучшими его произведеніями, въ болѣе или менѣе достойныхъ переводахъ. Но у насъ доселѣ существовалъ одинъ только превосходный переводъ *Орлеанской Дѣвы*, за которымъ можно не имѣть нужды въ подлинникѣ. Прочіе, немногіе опыты, между коими переводы *Г. Ротчева*, отличаются неслыханнымъ неуваженіемъ къ оригиналу, скорѣе можно назвать *переводомъ*, чѣмъ переводами Нѣмецкаго Театра. Какъ же теперь не быть благодарными къ усердію

Г. Шишкова, съ коимъ онъ рѣшился посвятить испытанный таланть свой на достойное усвоеніе нашей словесности лучшихъ произведеній Германской сцены? Фебъ да поможетъ ему совершить это благое и полезное предпріятіе, по крайней мѣрѣ, такъ какъ оно теперь начато!

Вышедшая теперь *Первая Часть* труда *Г. Шишкова* содержитъ въ себѣ двѣ трагедіи *Шиллера*: *Пикколомини* и *Смерть Валленштейна*, или лучше *двѣ части* драматической *трилогіи*, составляющей одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ камней въ вѣнцѣ славы Германскаго поэта. Извѣстно, что отличительную черту и вмѣстѣ отличительную слабость генія *Шиллерова* составляло преобладаніе размышляющаго ума надъ творящею фантазіею. *Шиллеръ* былъ рожденъ болѣе философомъ, чѣмъ поэтомъ: въ немъ господствовала преимущественно средостремительная сила самоуглубленія; и потому онъ жилъ болѣе внутри себя, въ идеяхъ и чувствованіяхъ, а не во внѣшнихъ живыхъ образахъ и лицахъ. Отсюда происходило, что и въ драматическихъ его созданіяхъ выходили на позорище сіи самыя идеи и чувствованія, воплощенныя въ поэтическихъ обликахъ, а не живые образы и дѣйствительныя лица. Это преимущественно ощутительно въ самыхъ раннихъ опытахъ, принадлежащихъ къ первому періоду поэтической жизни *Шиллера*. Таковы: *Разбойники*, *Фіеско*, *Коварство и Любовь*. Это картины, въ коихъ изображались не дѣйствительныя событія жизни человѣческой, а понятія, кои имѣлъ объ ней *Шиллеръ*, олицетворенныя въ призракахъ дѣйствительныхъ событій. Отсюда эта непримиримая вражда между рокомъ и свободою, между жизнію и смертію, коей онъ представляютъ безотрадное зрѣ-

лицѣ. Тѣсной подоли дѣйствительности слишкомъ недостаточно было для того, чтобы въ ней вмѣстилось все свѣтлое небо *Шиллеровой* души, съ ея безграничными помыслами, съ ея безбрежными мечтами. Это не могло быть произведено иначе, какъ насильственно: и сіи первые плоды поэтическаго рвенія юноши носятъ на себѣ явные признаки судорожнаго напряженія, сопровождавшаго безплодныя усилія новаго Типана. Съ возмужалостью должно было остыть и улечься это рвеніе. Геній *Шиллера* является гораздо зрѣлѣе и спокойнѣе въ *Донъ-Карлосѣ*, коимъ начинается вторый періодъ поэтической его жизни. Здѣсь понятія и чувствованія, составляющія внутреннюю жизнь поэта, не олицетворяются, а влагаются въ уста живымъ лицамъ, взятымъ изъ внѣшней дѣйствительной жизни. *Донъ-Карлосъ* не есть еще совершенная драма: но въ немъ сдѣланъ великій шагъ къ совершенству. *Шиллеръ* угадалъ уже, что на драматическомъ позорищѣ должны являться живыя лица, съ живыми физіономіями: оставалось только дать имъ живую рѣчь, заставить ихъ говорить самихъ отъ себя; и это сдѣлалъ онъ—въ *Валленштейнѣ*. Дабы облегчить самоотверженіе, на которое онъ рѣшался, ему нужно было изъ лѣтописей жизни дѣйствительной событіе, которое бы само въ себѣ имѣло интересъ могущественный. Таковъ именно чудный конецъ чудной жизни *Валленштейна*, этого исполина, сохранившаго готическую физіономію, но не духъ древнихъ рыцарскихъ временъ, коихъ послѣднее догарающее сіяніе погасло, на поляхъ Люценскихъ, въ Густавѣ Адольфѣ! Не ослабѣвая въ поэтической силѣ, *Шиллеръ* представилъ это само въ себѣ поэтическое событіе съ истинно драматическою вѣрностію. Здѣсь у него

являются и дѣйствуютъ истинные люди, составленные изъ плоти и крови человѣческой, движущіеся по своимъ собственнымъ намѣреніямъ, говорящіе по своимъ собственнымъ понятіямъ. Только *Максъ* и *Марія* (*Текла*) напоминаютъ собою прежняго Шиллера. Ихъ эоирныя души пріодѣты слишкомъ легко и прозрачно земною оболочкою. И это было послѣднею добычею, похищенною у искусства природою. Устами молодаго *Пикколомини* и дочери *Валленштейна*, говоритъ опять самъ *Шиллеръ*: онъ не могъ еще умерпѣть, чтобъ не высказать своихъ завѣтныхъ думъ и тайныхъ мечтаній:

Важнѣе, глубже тайное значенье
Волшебныхъ сказокъ дѣтства моего,
Чѣмъ истина, которой учитъ жизнь.
Единый міръ чудесъ даетъ отвѣтъ
Вопросамъ сердца; только онъ одинъ
Мнѣ вѣчное пространство открываетъ,
Мнѣ простираетъ вѣтки, на которыхъ
Качается довольная душа.
Міръ баснословный родина любви.
Ей мило жить въ предѣлахъ волшебства:
Божественная, вѣритъ въ божества: (с. 74)

это исповѣдь *Шиллера*, повторенная *Максомъ*! За то прочія лица всѣ изображены съ полною драматическою естественностію, вѣрностью и живостью. Его образцемъ очевидно былъ *Шекспиръ*. Но, состоя все еще подъ преобладающимъ могуществомъ разума, Германскій поэтъ не смѣлъ и не могъ предаться вполнѣ той свободѣ фантазіи, коей обольстительный примѣръ видѣлъ въ корифеѣ Британскаго театра. Оказывая большую внимательность къ требованіямъ и

условіямъ искусства, онъ заключилъ себя въ строжайшихъ предѣлахъ и тѣмъ предохранилъ отъ укоризнъ, коимъ подвергается *Шекспиръ* предъ судилищемъ здраваго вкуса. Для соблюденія внутренняго единства содержанія, *Шиллеръ* раздѣлилъ созданіе свое на двѣ отдѣльныя *трагедіи*, къ коимъ приложилъ еще особый *прологъ*, куда для сохраненія внѣшняго единства тона, отнесъ шумныя сцены лагерной жизни, необходимыя для полноты картины, но не совмѣстимыя съ ея трагическою сановитостію. Послѣдняя *трагедія*, называющаяся собственно: *Смерть Валленштейна*, и составляющая катастрофу всей *трилогіи*, отличается драматическою быстротою, связностію и полнотою дѣйствія. Коротко сказать — *Валленштейнъ* есть одно изъ тѣхъ произведеній *Шиллера*, въ коихъ геній, покоряясь охотно искусству, является тѣмъ величественнѣе и свѣтозарнѣе.

Къ сожалѣнію, *Г. Шишковъ* перевелъ только обѣ *трагедіи*, оставивъ *прологъ*, который еще прежде переведенъ *Г. Шевыревымъ*. Это лишаетъ *трилогію* цѣлости. Переводъ *Г. Шишкова* вѣренъ, точенъ и ровенъ. Между тѣмъ видно, что онъ составлялъ не тяжелую механическую работу для переводчика, а былъ легкимъ плодомъ поэтическаго досуга. Пятистопный амбъ переливается у него свободно и плавно. Языкъ чистъ и правиленъ. Журнальныя насѣкомыя выпочили изъ него нѣсколько порошинокъ: пусть ихъ—на здоровье! Литературные *Гуры* болѣзнуютъ, что не находятъ *Ѳеклы*: жаль и ихъ сердечныхъ! Мы съ своей стороны замѣтимъ переводчику, что онъ напрасно у имени одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ (*Терцки*) отнялъ окончательную букву (*й*), свидѣтельствующую его Славянское происхожденіе (*Терцкій*).

Вторая Часть Избраннаго Театра, содержащая въ себѣ: *Марію Стюартъ — Шиллера*, и *Князей Хованскихъ—Раупаха*, выходитъ немедленно.

—повѣсти генриха цшокке. *Переводъ съ Нѣмецкаго. Три части. С. П. Б. въ тип. Плюшара*, 1831.— *Цшокке* есть одинъ изъ достойнѣйшихъ соревнователей или лучше сверстниковъ *Вальтера-Скотта*. Его романы имѣютъ столько самобытной оригинальности, отливающей на себѣ печать родной Швейцарской природы, что пворецъ ихъ, кажется, не имѣлъ никакой нужды въ предшественникѣ на своемъ поприщѣ. Талантъ его былъ свѣтлымъ и звучнымъ эхомъ горъ, служившихъ для него колыбелью. Ихъ живописная простота и неукрашенное величіе отражаются въ его картинахъ, какъ въ чистомъ стеклѣ водоемовъ, хранящихся между ихъ ущеліями. Это сообщаетъ романамъ *Цшокке* цвѣтъ глубокой истины: но этожъ конечно должно быть причиною и тому, что они не представляютъ въ себѣ строгаго единства и постоянной ровности. Подобно Швейцарской природѣ, они состоятъ изъ множества живописныхъ отрывковъ, съ трудомъ сосредоточивающихся для зрѣнія въ одно непрерывное цѣлое и безпрерывно застѣняющихъ собой другъ друга.

Но и этотъ единственный недостатокъ, болѣе или менѣе ощутительный въ романахъ *Цшокке*, исчезаетъ въ его повѣстяхъ, кои сами суть не иное, какъ прекрасные отрывки Швейцарской души его. Сынъ свободныхъ горъ, умащенный долготою дней, завѣщаваетъ въ нихъ юному потомству плоды мудрой опытности, пріобрѣтенной чрезъ постоянное, спокойное наблюденіе надъ природою и жизнію. Это афоризмы глубокой практической философіи, облеченные

прелестію живаго, плѣнительнаго расказа. Онѣ отличаются преимущественно соединеніемъ тонкаго знанія свѣта съ добродушною патріархальною искренностію. Въ нихъ есть и юмористическая ѣдкость, напоминающая Фернейскаго старика, но безъ лукавства и злости. Посему онѣ доставляютъ наслажденіе столько же чистое, сколько назидительное.

Въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ помѣщалось и помѣщается много повѣстей *Цшокке*, въ болѣе или менѣе хорошихъ переводахъ. Но рѣшительное преимущество предъ всѣми, въ отношеніи къ Русской отдѣлкѣ, принадлежитъ неоспоримо тѣмъ, кои изданы теперь вмѣстѣ. Это: *Подарокъ на Новый Годъ; Женщина по степенямъ ея возраста; Исландскія Письма; Вечеръ предъ свадьбою; Ясновидящая; Бобъ; Ночь на Первое Мая; Тетушка или все на изворотъ*, и *Нога*. Всѣ онѣ, кромѣ *Тетушки*, были напечатаны прежде въ *Сынѣ Отечества* и въ *Литературныхъ* къ нему *Прибавленіяхъ*. Но теперь издаются въ полнѣйшемъ видѣ, безъ опусковъ и перемѣнъ, коихъ требовали въ свое время журнальные виды. Переводу должно отдать полную справедливость: подобныхъ, по чистотѣ, правильности и легкости языка, сыщется у насъ не много. Къ чести его должно также прибавить, что онъ сдѣланъ съ Нѣмецкаго подлинника, а не съ Французскихъ, разведенныхъ и обрѣзанныхъ переводовъ. Мы опять души желаемъ, чтобы это прекрасное собраніе, по обѣщанію переводчика, продолжалось; и обѣщаемъ ему въ награду, съ нашей стороны, истинное наслажденіе и искреннюю благодарность.

—БРАТЪ И СЕСТРА *или любовь всему научитъ. Комедія-Водевиль съ однимъ дѣйствіи, соч. П. Григорьева. Но-*

вый дуетъ изъ Русскихъ пьесъ, соч. Г. Жучковскаго; прочіе нумера набраны изъ лучшихъ авторовъ. С. П. Б. въ тип. И. Байкова, 1831.—БРАТЪ ЗА БРАТА *или пять правила безъ исключенія. Комедія-Водевиль, въ одномъ дѣйствіи, соч. П. Григорьева. Музыка, соч. Жучковскаго. С. П. Б. въ тип. И. Байкова*, 1831.—Оба эти водевиля, во всѣхъ отношеніяхъ, родные *братья.* Они изданы однимъ сочинителемъ, въ одной типографіи, на одной бумагѣ, въ одномъ форматѣ, одними буквами, даже въ оберткѣ одного цвѣта. Но какъ *пять* ничего *безъ исключенія*: то и между ими примѣчается нѣкоторое различіе во внутреннихъ качествахъ. Первый изъ нихъ кажется нѣсколько поживѣе и позанимательнѣе. И потъ и другой однако сходны опять тѣмъ, что въ обоихъ одна Французская водевильная канва, изукрашена Русскими именами. Къ довершенію этого фамильнаго сходства, музыка на оба водевиля сочинена однимъ композиторомъ; и оба они продаются въ книжныхъ лавкахъ *А. В. Глазунова*, въ Петербургѣ и Москвѣ, по одной цѣнѣ (3 руб.).

—ANTIQUITTES OF MEXICO, *comprising fac-similes of ancient Mexican paintings and hieroglyphics, preserved in the Royal Libraries of Paris, Berlin, Dresden, in the Imperial Library of Vienna, in the Vatican Library, in the Borgian Museum at Rome, in the Library of the Institutes at Bologna and in the Bodleian Library at Oxford; together with the monuments of New Spain, by M. Dupaix, with their respective scales of measurement accompagning descriptions, the whole illustrated by mang valuable manuscrits, by* AUGUSTINE AGLIO, *in seven volumes. London*, 1830. (ДРЕВНОСТИ МЕКСИКИ, *заключающія снимки древнихъ Мексиканскихъ изображеній и іероглифовъ, сохраня-*

шихся въ Королевскихъ библіотекахъ: Парижской, Берлинской и Дрезденской, въ Императорской Вѣнской Библіотекѣ, въ Библіотекѣ Ватиканской, въ Боргіевомъ Музеумѣ въ Римѣ, въ Библіотекѣ Болонскихъ Институтовъ и въ Бодлеевской Библіотекѣ въ Оксфордѣ; вмѣстѣ съ памятниками Новой Испаніи, собранными Г. Дюпе, съ пріобщеніемъ точныхъ маштабовъ къ ихъ описаніямъ; объясненныя многими драгоцѣнными манускриптами, въ семи томахъ; трудами Августина Альо. *Лондонъ* 1830). — Давно уже въ обширной области Европейской Библіографіи не являлось столь важнаго и вмѣстѣ столь великолѣпнаго творенія. Оно бросаетъ совершенно новый свѣтъ на исторію, искусства и литературу Новаго Свѣта, во времени предшествовавшія его открытію. Для Мексики это тоже, что Египетская Коммиссія для Сѣверной Африки, что Даніель для Индіи. Коротко сказать, изданіе сіе можетъ быть признано довершеніемъ Гумбольдтовыхъ открытій. Лордъ Кингсборугъ представилъ одинъ экземпляръ его Парижскому Институту, который оцѣненъ въ 18,000 франковъ. Въ шести первыхъ томахъ содержится представленіе художественныхъ памятниковъ, о которыхъ доселѣ можно было получить понятіе не иначе, какъ изъѣздивъ всю Европу. Послѣдній томъ заключаетъ въ себѣ Исторію Новой Испаніи, Падера *Бернардино де Сагагунъ*, писанную первоначально на Испанскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Historia universal de las cosas de Nueva Espana, en doce libros i en lengua espanola, compuesta i compilada por el M. R. P. Fr. Bernardino de Sahagun, de la Orden de los Frailes Minores de la observancia.*

Сіе послѣднее сочиненіе доселѣ и извѣстно было

только по заглавію. Сочинитель, въ XVI столѣтіи, провелъ болѣе сорока пяти лѣтъ между Мексиканцами: короткое знакомство съ ихъ языкомъ дало ему больше, чѣмъ кому-либо другому, возможности собрать историческія и религіозныя ихъ преданія. Сочиненіе его не есть словарь, какъ многіе думали, а исторія образованія великаго безвѣстнаго народа, составленная человѣкомъ, который во многихъ отношеніяхъ опередилъ вѣкъ свой.

Бернардино де Сагагунъ былъ родомъ изъ Сагагуна, мѣстечка, принадлежащаго къ волости Кампосъ, въ Старой Кастиліи. Онъ вступилъ монахомъ въ Францисканскій Орденъ. Когда, въ 1524 году, завоеваніе Новой Испаніи почти было кончено, онъ находился въ числѣ первыхъ духовныхъ, кои туда отправились, и былъ однимъ изъ основателей Коллегіума, учрежденнаго въ Мексикѣ его Орденомъ. Тамъ онъ безпрестанно путешествовалъ по провинціямъ, въ качествѣ миссіонера. Въ 1577 году былъ онъ еще въ живыхъ. Главнымъ началомъ всей его жизни было—обращать труды миссіонерскіе сколько возможно на пользу наукъ. Конечно, *Сагагунъ* раздѣлялъ многіе предразсудки своихъ современниковъ; и ему, равно какъ нынѣшнимъ еще миссіонерамъ, очень нравилось отыскивать сходство между идолопоклонствомъ дикихъ и миѳологіею древняго образованнаго міра. Но онъ подчинялъ это гораздо высшей цѣли. Просвѣщая Американцевъ Христіанскою вѣрою, онъ старался ревностно провѣдывать о всѣхъ особенностяхъ ихъ народнаго вѣрованія и собралъ чрезъ то богатые матеріялы. Его твореніе есть обработка, почти переводъ, даже часто, по счастію, совершенно буквальное повтореніе хроникъ, передававшихся устно въ Средней Америкѣ, кои служили комментаріемъ для тамошнихъ

гіероглифовъ. Въ Мексикѣ, равно какъ въ Перу, Хили и другихъ еще менѣе образованныхъ странахъ, находились въ каждомъ селеніи люди съ удивительно обширною памятью, живые архивы, по выраженію одного спарингаго путешественника. Чрезъ нихъ-то переводили преданія изъ рода въ родъ; и великое попеченіе прилагалось о томъ, чтобъ сіи преданія сохранялись въ чистотѣ неповрежденной. Въ Мексикѣ особенно сбирались такимъ образомъ историческія преданія, вмѣстѣ съ рѣчами, обращаемыми къ богамъ или къ людямъ, въ коихъ содержались основныя черты религіи и политики. Сіи рѣчи, на ряду съ историческими фактами, во всей своей торжественной простотѣ, перешли въ твореніе Патера *Сагагуна*.

Въ мѣстечкѣ Тепепулко, области Тезкуко, началъ свой огромный трудъ *Бернардино де Сагагунъ*, отецъ Американской Исторіи, и писалъ прежде на Мексиканскомъ языкѣ. Дабы сдѣлать вѣрный переводъ, онъ выбралъ двенадцать Индійскихъ старцевъ испытанной честности. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, безпрестанно находился онъ въ совѣщаніи съ ними: и ихъ устные отвѣты на его распросы были опимѣчены, гдѣ слѣдовало, въ гіероглифическихъ изображеніяхъ. Наконецъ четыре молодые Мексиканца, воспитанники упомянутаго Коллегіума, подвели подъ эти изображенія близкій переводъ текста, на двухъ языкахъ: Латинскомъ и Испанскомъ. *Сагагунъ* замѣчаетъ: «*оригиналы еще у меня въ рукахъ.*» Въ Санъ-Яго де Тлателюлко совершилъ онъ подобный трудъ, совѣтуясь о важнѣйшемъ съ туземными старцами, заслуживающими наиболѣе почтеніе и довѣренность, съ Ректоромъ Коллегіума и съ Индійскими воспитанниками. Въ монастырѣ С. Франциска въ Мексикѣ онъ продолжалъ

свою работу, называя поименно лица, коихъ свѣденіями и объясненіями пользовался. Наконецъ, въ 1545 году, трудъ этотъ былъ конченъ на Мексиканскомъ языкѣ и подвергнутъ снова строгому изслѣдованію многихъ знатоковъ дѣла.

Когда такимъ образомъ матеріялы были собраны, достопочтенный издатель занялся сравненіемъ ихъ съ безчисленными остатками всякихъ художественныхъ издѣлій и съ сохранявшимися еще нравами туземцевъ. Завоеваніе Америки было начато въ 1519 и кончилось въ 1524 году; слѣдовательно туземцы, разпрашиваемые до 1545 году, во время завоеванія должны были имѣть болѣе тридцати лѣтъ отъ роду и слѣдовательно были коротко знакомы съ нравами и обычаями, о которыхъ у нихъ навѣдывались. Но обработка матеріяловъ для нашего издателя, кажется, была труднѣе, чѣмъ собираніе. Сочиненіе было совсѣмъ готово не прежде 1564, а Испанскій переводъ 1575 года. *Сагагун* состарѣлся, его рука начала дрожать, и, что всего важнѣе, ему ничего не хотѣли дать за рукопись: »платить столько денегъ за такое маранье противно обѣтамъ бѣдности,« говорили ему обыкновенно. Такимъ образомъ это драгоцѣнное твореніе, считавшееся долго, какъ уже было сказано, словаремъ или по крайней мѣрѣ незначительною хроникою, наконецъ является теперь, спустя три ста лѣтъ послѣ своего происхожденія, въ такое время, когда народы, на которыхъ оно должно было имѣть вліяніе, потеряли свой первобытный характеръ и даже перестали жить народами.

Все твореніе свое *Сагагун* раздѣлилъ на двенадцать книгъ. Каждая изъ нихъ раздѣлена еще на многія главы и каждая страница на три столбца: первый для

Испанскаго перевода, вторый для Мексиканскаго текста, третій для знаковъ и ихъ объясненія. Лѣтопись не дошла до насъ въ этомъ видѣ, равно какъ и собранные издателемъ документы: по Латыни, по Испански и въ гіероглифахъ. Можетъ быть все это отыщется еще въ какомъ-нибудь монастырѣ Испаніи или Новаго Свѣта. Между тѣмъ сдѣланы были два особенные списка Испанскаго текста и присланы въ Европу. Куда дѣвался одинъ изъ нихъ, неизвѣстно. Другой былъ положенъ въ монастырѣ Св. Франциска въ деревнѣ Сагагунъ, гдѣ и былъ открытъ Историкомъ Муносомъ, который хотѣлъ воспользоваться имъ для своей Исторіи Новаго Свѣта, коей явилась одна книга. Онъ снялъ съ него новый для себя списокъ. По смерти Муноса бумаги его перешли къ Королевской Мадритской Академіи Исторіи: въ числѣ ихъ находилось твореніе Патера *Сагагуна*, съ котораго сдѣлали копію, сравнили ее съ заботливою точностію съ оригиналомъ и послали въ Америку. То, что напечатано теперь въ собраніи Лорда Кингсборуга, должно итти изъ рукописи Муноса; но издатель самъ считаетъ этотъ списокъ неполнымъ. Манускриптъ пострадалъ во многихъ мѣстахъ, особенно въ III и IV книгѣ. Наконецъ важнѣйшая потеря состоитъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ 80 религіозныхъ гимновъ, которые Патеръ *Сагагунъ* называетъ псалмами. Они безъ сомнѣнія находятся въ оригиналѣ; издатель вѣроятно пренебрегъ ими. Но потери сіи тѣмъ болѣе возвышаютъ цѣну того, что, по счастію, сохранилось для нашего времени.

Исторія Новой Испаніи, какъ было сказано, заключаетъ въ себѣ двенадцать книгъ. Первая содержитъ Мексиканскую ѳеогонію; вторая занимается календа-

ремъ, праздниками, обрядами, жертвоприношеніями; третья возвращается опять къ происхожденію боговъ и излагаетъ мнѣнія о назначеніи души, о важности жреческаго сана; четвертая и пятая разсуждаютъ о судебной астрологіи Мексиканцевъ; шестая озаглавливается слѣдующимъ образомъ: »о Риторикѣ и Богословіи Мексиканскаго народа, при чемъ весьма достопримѣчательныя вещи о красотахъ языка и нѣжныхъ оттѣнкахъ нравственныхъ добродѣтелей.«

Здѣсь находимъ мы дѣйствительно весьма замѣчательную молитву къ божеству Техкатлипука-И-Яутль — Некоялът - Моненспуй, въ коей испрашивается помощь на враговъ; еще достопримѣчательнѣйшую рѣчь Мексиканскаго духовнаго отца; наконецъ *молитву къ богу дождя Тлалоку, повелителю земнаго рая, для прекращенія засухи*, которую, за рѣдкостью образцевъ Мексиканскаго краснорѣчія, не излишнимъ считаемъ привести здѣсь.

»Пречеловѣколюбивый, прецедроподательный господи, повелитель зелени и свѣжести, владыка бальзамическаго, цвѣтущаго рая земли, господь благоуханія! Увы! боги дождя, твои слуги скрылись въ свое убѣжище—они, которые въ другое время подаютъ намъ всѣ нужныя для жизни вещи и которыхъ чтутъ, какъ Улли, Яутли и Копаль. Они скрыли весь запасъ, коимъ поддерживается наше бытіе — а мы считаемъ ихъ нашими драгоцѣнными камнями, смарагдами, и сафирами: даже увели съ собой сестру свою, богиню изобилія, вмѣстѣ съ богинею Хилли или Икси. Умилосердись надъ нами живущими! Все гибнетъ и изсыхаетъ, все, не имѣя влаги, покрывается прахомъ и какбы паутинною тканью. О горе для бѣдныхъ человѣковъ! Они терпятъ уже голодъ, совершенно из-

сохли и обезобразились: синета, окружающая ихъ глаза, уподобляетъ ихъ мертвецамъ.«

»Уста ихъ высохли, какъ выжженная зноемъ трава; всѣ кости можно счесть въ ихъ тѣлѣ, какъ будтобы это былъ образъ самой смерти. И дѣти — бродятъ обезображенные, желтые, черные какъ земля. Даже до четвероногихъ и пернатыхъ животныхъ, все страдаетъ отъ общаго бѣдствія, отъ засухи. Горько смотрѣть на этихъ птицъ, какъ одне изъ нихъ, опустивъ крылья, бродятъ голодныя, какъ другія валятся съ вышины, отъ невозможности летать, и какъ еще иныя, томимыя голодомъ и жаждою, не смыкаютъ изсохшаго клюва. А звѣри—господи—о какъ болѣзненно видѣть ихъ, падающихъ въ безсиліи и пожирающихъ землю, съ прилипнувшимъ языкомъ, съ разсѣвшеюся гортанью, задыхающихся отъ жажды и голода. А люди — они потеряли разсудокъ: они умираютъ отъ недостатка воды, всѣ гибнутъ, такъ что ни одного не останется. Кажется, какъ будто мы горимъ въ огнѣ. По истинѣ ужасно терпѣть голодъ, который мы терпимъ. Подобно лѣсной змѣѣ, которая, алкая пищи, точитъ слину, сматывается клубомъ и всячески ищетъ утолить снѣдающій ее голодъ, человѣкъ силится всячески напитать себя— и страшно видѣть его смертныя муки!«

»Бывало слыхали мы отъ отшедшихъ въ дальній путь стариковъ и старухъ, что будетъ время, когда небо на насъ обрушится и низринутся воздушные демоны, Цицимиты, которые должны разрушить землю и всѣхъ ея обитателей, дабы тьма была повсюду и нигдѣ не осталось жилища для человѣковъ. Старые люди знали это и говорили. Изъ устъ въ уста перешло къ намъ, что долженъ быть

конецъ міру; ибо земля устала производить другія творенія. Господи! это было бъ для насъ богатствомъ и наслажденіемъ, еслибъ пророчество сіе надъ нами исполнилось! О какъ мы злополучны! Буди милосливъ и пошли на насъ язву, которая бъ насъ мгновенно похитила! Этотъ бичь идетъ отъ бога преисподней и при немъ богиня изобилія и богъ жатвъ посылаютъ нѣкоторую прохладу, отъ которой умирающіе получаютъ нѣкоторое подкрѣпленіе, дабы совершить путь въ преисподнюю. Помяни, что настоящее бѣдствіе произошло не отъ войны: оно идетъ отъ лучей, кои солнце, какъ нѣкій мощный и сильный богъ, вержетъ на землю. Еслибъ не такъ, то воины, герои, сильные и воинственные мужи, радовались бы великою радостію объ опасности: ибо въ войнѣ умираютъ многіе; тогда проливается кровь, поля покрываются громадами труповъ и костей побѣжденныхъ, земная поверхность усѣвается волосами головъ обнаженныхъ тлѣніемъ. Всего этого они не боятся ни мало: ибо увѣрены, что душа ихъ переходитъ въ домъ солнца, гдѣ они будутъ торжествовать славу Бога гласами исполненными радости и упиваться сокомъ безчисленныхъ цвѣтовъ съ неистощимымъ наслажденіемъ.«

»О многомилостивый господи! господь зелени, соковъ и душистыхъ травъ! Молю тебя, да простришь на народъ твой взоръ милосердія!«

Седьмая книга *Исторіи Новой Испаніи* занимается метеорологіею. Новый источникъ для Берлинскихъ ученыхъ! Осьмая разсуждаетъ объ іерархіи Царей и Начальниковъ и объ образѣ ихъ избранія. И экземпляръ такой еретической книги могъ находиться въ монастырѣ Испанскомъ! Въ этой осьмой книгѣ заклю-

чается много любопытнаго о политическихъ постановленіяхъ, законодательствѣ и даже объ исторической хронологіи Мексиканцевъ. Девятая говоритъ о дружелюбномъ общежитіи купцевъ, о рѣщикахъ камней, о ихъ образѣ жизни, о ихъ праздникахъ и пирушкахъ. Десятая о порокахъ, добродѣтеляхъ, физическомъ характерѣ и о materia medica Мексиканцевъ.

Двенадцатая и послѣдняя книга заключаетъ въ себѣ Мексиканскую хронику, которая говоритъ совершенно не то, что Испанскія извѣстія. Audiatur altera pars; но только въ самомъ сокращенномъ извлеченіи. Пять полководцевъ Монтезузумы (Монтезумы) посѣщали корабли Грихальвы, котораго они сочли за бога Гуэтцалькоата. Кортесъ, прибывшій позже, былъ принятъ за того же бога и внушилъ еще большій ужасъ. Пятеро главныхъ вождей принесли ему дары и молились, какъ богу, »который послѣ долгихъ трудовъ возвратился.« Кортесъ требовалъ болѣе даровъ, велѣлъ ихъ связать накрѣпко и дать выстрѣлъ. Посланники упали въ обморокъ. Потомъ приказалъ онъ имъ, чрезъ Индійскую переводчицу, сразиться съ Испанцами, желая испытать силу народа. Но посланники отказались и желали напередъ получить новыя инструкціи. Кортесъ назначилъ имъ бой на другой день: и Монтезума прислалъ между тѣмъ чужеземцамъ жизненныхъ припасовъ и пироговъ изъ маиса съ человѣческою кровью; Испанцы отвергли все съ презрѣніемъ. Видя свое положеніе, Монтезума посылаетъ волхвовъ къ кораблямъ, дабы истребить или прогнать пришельцевъ чарами: но напрасно. Въ городѣ Мексико распространяется ужасъ, народъ толпится, государь хочетъ скрыться въ одну пещеру,

бѣжать, лишить себя жизни, но не можетъ ни на что рѣшиться; наконецъ онъ принимаетъ опять Испанцевъ за посланниковъ Божества и своею рукою возводитъ Кортеса на престолъ. Когда Монтезума объявленъ былъ плѣнникомъ, его любимцы, Тпоатцинтакохкакатль-Гуэтцалацтатцинтикочіавапитль и многіе другіе, коихъ имена перечислены въ хроникѣ, оставили его безъ помощи, но сами скрылись и не приходили къ Кортесу.

Сколько безвѣстныхъ драгоцѣнностей можетъ еще отыскаться въ Испаніи! Когда пройдутъ и для ней средніе вѣки, тогда, вѣроятно, откроется много новаго. Подъ обломками и мусоромъ Греціи и Италіи древнія статуи почивали до возстановленія искусствъ не въ большей безопасности, какъ доселѣ книги въ монастыряхъ третьяго Европейскаго Полуострова. Недавно одинъ Нѣмецкій ученый хотѣлъ свѣрить одинъ Мадритскій манускриптъ въ Мадритѣ: рукопись тамъ, но въ Мадритѣ нѣтъ ни одного литератора, который бы ее понималъ или даже, по крайней мѣрѣ, могъ отыскать ее! (L. B.)

IX.

КЛАССИФИКАЦІЯ ЖИВОТНАГО И РАСТИТЕЛЬНАГО ЦАРСТВА.

(къ Издателю Телескопа.)

По желанію вашему, препровождаю для напечатанія въ Телескопѣ краткій очеркъ принимаемыхъ мною *первоначальныхъ отдѣленій* животнаго и растительнаго царства. Предпочитая *сократительный* методъ *дробному*, я ограничилъ число классовъ наименьшимъ,

необходимымъ; а находя естественнѣйшимъ и выгоднѣйшимъ для системы *путь нисходящій*, начинаю съ *высшихъ* и *совершеннѣйшихъ* по свойству идей о *системѣ* вообще, какъ о представленіи *цѣлости* природы. Естественная система и животнаго и растительнаго царства *однообразны* въ главныхъ основаніяхъ своего построенія: изъ сего однакожъ не слѣдуетъ *равенство* двухъ царствъ. Нижеслѣдующіе классы почти всѣ были уже установлены или усмотрѣны разными авторами, и мною избраны сообразно моему понятію о семъ предметѣ: при семъ необходимо было составить вновь нѣкоторыя названія, и таковыя означены *звѣздочкой*.

I. СИСТЕМА ЖИВОТНАГО ЦАРСТВА.

Здѣсь возстановлены многіе изъ прежнихъ классовъ (преимущественно *Ламарковыхъ*), нынѣ весьма раздробленныхъ, и всѣ расположены (по примѣру Окена и Сенп-Илера) въ томъ порядкѣ, какой былъ у Линнея, и который измѣнили Ламаркъ и Кювье, помѣстивъ послѣ рыбъ моллюски.

А. жив. суставчатыя* (a. articulata). Сент-Илеръ называетъ ихъ *позвоночными*, ибо Насѣкомыя, Раки, Пауки, причисляемыя обыкновенно къ *безпозвоночнымъ*, имѣютъ позвонки, но только наружнаго образованія. Но какъ *позвоночными* привыкли называть только *первую область*, то, во избѣжаніе сбивчивости, я разсудилъ принять слово: *суставчатыя*.

Область I. жив. внутрисуставчатыя* (Endogona*. Vertebrata *Lam. Cuv.* Spondylophora *Tiph.* Hautsvertébrés *Gff.*). Костяной скелетъ внутри

тѣла, и облеченъ мясомъ снаружи.

а) *Теплокровныя.* Сердце двухжелудочное, кровь красная и теплая.

Классъ 1. *Звѣри* (Mammalia). Человѣка, который своимъ самопознаніемъ отличается отъ животныхъ, какъ небо отъ земли, я исключаю изъ царства животныхъ, и потому первый классъ ихъ называю не *Млекопитающими*, а *Звѣрями*, послѣдуя въ томъ Русскому академисту *В. Зуеву* (см. Начертаніе Есп. Истор. изд. для Народныхъ Училищъ). *Человѣкознаніе* (Антропологія) есть особая наука.

Классъ 2. *Птицы* (Aves).

б) *Холоднокровныя.* Сердце одно желудочное, кровь красная холодная.

Классъ 3. *Гады* (Reptilia).

Классъ 4. *Рыбы* (Pisces).

Область II. жив. наружносуставчатыя* (Exogona*. Insecta et Instestina *L.* Articulata et Entozoa *Cuv.* Desmo-vertébrés *Gff*). Твердый либо кожистый скелетъ снаружи, а мясо внутри.

а) *Суставчатоногія** (Insecta *L*).

Классъ 5. *Насѣкомыя* (Insecta *Lam.*), подверженныя проякому превращенію, шестиногія, почти всѣ крылатыя, съ головою, грудью и брюхомъ отдѣльными.

Классъ 6. *Крабышки** (Polymeria *Gold.*), не подверженныя превращенію, безкрылыя; ногъ обыкновенно болѣе шести; голова и грудь почти отдѣльныя. Здѣсь (по примѣру Вирея, Окена и др.) соединяю *Раковыхъ* (Crustaceae) съ *Паукообразными* (Arachnoides *Lam*).

б.) *Черви* (Vermes. Intestina *L.*)

Класс 7. *Кольчатники** (Annulata *Cuv.*), черви краснокровные.

Класс 8. *Глисты* (Entozoa *Rud.*), черви, въ другихъ животныхъ водящіеся.

В. жив. безсуставныя* (a. exarticulata), безскелетныя, безпозвоночныя по *Сент-Иле.*

Область III. моллюски (Mollusca *Lam. Cuv.*), Ламарком раздѣленныя на *головастыя* (cephalea *Lam.*) и *безголовыя* (*Lam.*). Два отдѣленія сіи (по примѣру Окена) принимаемъ за особые классы.

Класс 9. *Улитники**, имѣющіе голову отдѣльную, заключенные обыкновенно въ раковинѣ *одночерепной*, рѣдко голые; раздѣльнополые, рѣдко двуполые; водяные, рѣдко наземные.

Класс 10. *Раковницы.**, безъ особой головы, заключенные нанчаще въ раковинѣ *двухчерепной*, рѣдко многочерепной, либо голые; полъ только женскій; морскія, рѣдко рѣчноводныя.

Область IV. жив. лучистыя (a. radiaria).

Класс 11. *Лучевики** (Radiata *Lam.* Siphonophuntа *Fisch.*), съ жилами и проч.

Класс 12. *Полипы* (Polypi *Lam.* Desmatophuntа *Fisch.*), безъ жилъ и проч. Сюда относятся *Кораллы* (Зоофиты и Литофиты), живущіе въ полипникахъ, *Гидряки* и наконецъ *Инфузоріи.*

II СИСТЕМА РАСТИТЕЛЬНАГО ЦАРСТВА.

А. РАСТ. явноцвѣтныя* (a (phanerogamae *L.* или сѣменодольныя (cotyledoneae).

а) *Явно-тайно-брачныя*, я замѣнилъ словами: — *Явно — и тайно цвѣтныя.*

Область I. раст. двудольныя (Dycotyledoneae *Juss.*) или *кругоростныя** (Exogeneae *DC.*), Phanerocotyledoneae *Ag.*

а) *Двуполосовыя** (Dichlamydeae *DC*).

Классъ 1. *Ложецвѣтныя** (Thalamiflorae), гдѣ соединяю *подпестичныя* (hypogynae), какъ многолепестныя (thalamiflorae *D C.*), такъ и единолепестныя (corolliflorae—*D C.* вѣнцоцвѣтныя).

Классъ 2. *Чашецвѣтныя** (Calyciflorae *D C.*) многолепестныя и единолепестныя, какъ околопестичныя (perigynae), такъ надпестичныя (epigynae).

б). *Однопологовыя** (Monochlamydeae).

Классъ 3. *Однопологовыя**. (Monochlamydeae *D C.*) оставляемъ въ одномъ классѣ.

Область II. раст. однодольныя (Monocotyledoneae *Juss.* Cryptocotyledoneae *Ag.*) или средоростныя* (Endogeneae). Декандоль сюда относитъ и *Папоротники* (Кл. 8).

Классъ 4. *Початкоцвѣтныя** (Spadiciflorae *Fr.*) Пальмы, Цикадовыя, Ароныя, Цикоморовыя.

Классъ 5. *Плевкоцвѣтныя** (Glumiflorae)—Злаки, Осоковыя и проч.

Классъ 6. *Зѣвоцвѣтныя* (Rigentiflorae *Goldbach*)—Сципамныя (*Linn.*) и Ятрышныя.

Классъ 7. *Лилейноцвѣтныя** (Liliiflorae *Ag.*), Нарциссовыя, Косатиковыя, Лилейныя и проч.

Б. раст. тайноцвѣтныя (Cryptogamae *L.*) или во́лотныя* (Nemeae *Fries*), безсѣменодольныя, (acotyledoneae *Juss.*).

Область III. раст. разново́лотныя* (Heteronemeae *Fr.* Pseudocotyledoneae *Ag.*)

Классъ 8. *Папоротники* (Filices *Wahl.*).

Классъ 9. *Мхи* (Musci *Hedw.*).

Область IV. раст. единоволотныя* (Homonemeae *Fr.* Acotyledoneae *Ag.* Cellulares aphyllae *D C.*).

Классъ 10. *Поросты* (Algae *Gmel. Fr.*)

Классъ 11. *Грибы* (Fungi. *L. Fr.*)

Признаки сихъ отдѣленій и ихъ дальнѣйшее подраздѣленіе, равно какъ и теорія системы изложены въ *Сокращенной Зоологіи и Систематикѣ Растительнаго Царства,* кои въ скоромъ времени будутъ представлены вниманію и суду моихъ благосклонныхъ читателей а).

а) Позвольте мнѣ присемъ случаѣ объясниться предъчитателями въ слѣдующемъ. Года за два предъ симъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, я постоянно писалъ для Московскаго Телеграфа рецензіи на издаваемыя у насъ книги по части *Естествознанія* и общей *Медицины,* которою занимаюсь не для *практики,* но какъ высочайшею и благороднѣйшею изъ наукъ. Большую часть оныхъ означалъ я буквами W. W., не желая своимъ именемъ скучать читателямъ. Давно уже оставилъ я сію подпись; но въ Телескопѣ и еще гдѣ-то она встрѣчалась подъ нѣкоторыми рецензіями, кои—какъ вамъ извѣстно—писаны не мною, однакожъ нѣкоторыми изъ читателей приписаны мнѣ. Благодарю ихъ за это; но отъ статей отрекаюсь: вопервыхъ потому, что не желаю пользоваться какимъ бы то ни было мнѣніемъ на чужой счетъ и не заслуженно; вовторыхъ потому, что съ нѣкотораго времени положилъ себѣ правиломъ, *не означать вымышленными подписями своихъ статей,* убѣдившись, что литература, поколику она *дѣло общественное*, требуетъ мнѣнія и дѣйствія открытаго и явнаго — и всякая *мистификація* въ ней, есть только частная и, такъ сказать, домашняя потѣха литераторовъ. Такимъ образомъ послѣднія рецензіи мои, относящіяся къ Естествознанію, я означалъ своимъ именемъ: напр. въ Литературной Газетѣ, въ Телеграфѣ на Физику Г. Щеглова, въ Телескопѣ на брошюрку Г. Лодера. *(М. Максимовичъ).*

X

НОВОСТИ

НАУКЪ И ИСКУССТВЪ.

— людоѣды острова суматры. — На сѣверной оконечности острова Сумапры, между Ахемомъ, Менангкабу и моремъ, обитаютъ Баттасы, народъ многочисленный, большею частію живущій не по берегамъ моря, но въ нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи. Баттасы, число коихъ простирается отъ одного до двухъ милліоновъ, имѣютъ постоянный образъ правленія, совѣщательныя собранія и великихъ ораторовъ, собственный свой языкъ и письмена; и почти каждый изъ нихъ ученъ грамотѣ. Они имѣютъ и вѣру свою: бога, называемаго Дибата-Асси-Асси, и двухъ другихъ, отъ него рожденныхъ боговъ. Воинственный народъ сей честенъ, справедливъ и предусмотрителенъ. Поля Баттасовъ хорошо воздѣланы, преступленія между ними рѣдки. Но не взирая на такую образованность, они—людоѣды.

За нѣсколько предъ симъ лѣтъ, одинъ Баттасъ, за оскверненіе супружняго ложа, осужденъ былъ законами на съѣденіе; и мѣсто казни назначено не подалеку отъ Таппанули. Англійскій Посланникъ былъ приглашенъ присутствовать при оной, но отказался; одинъ только Секретарь Посольства прибылъ туда съ Баттасскимъ чиновникомъ. Стеклось множество народа. Преступника привязали къ дереву съ разпростертыми руками. Палачь, званіе коего на Сумапрѣ почетно и важно, подошелъ къ преступнику съ ножемъ въ рукѣ; за нимъ несъ человѣкъ блюдо съ самбуломъ (лимоны, соль и пр.). Оскорбленный супругъ на вопросъ, какой части тѣла желаетъ онъ, потребовалъ праваго уха, полу-

чилъ его, обмакнулъ въ соль и съѣлъ. Тутъ всѣ кинулись на преступника, и грызли его, сколько хотѣли. Наконецъ, и то изъ уваженія къ Секретарю Посольства, смилостивились и нанесли ему ножемъ ударъ въ сердце.

Баттасы имѣютъ весьма древніе законы и ѣдятъ другъ друга единственно изъ благоговѣнія къ своей конституціи. Законы сіи осуждаютъ на съѣденіе живъ: 1) всѣхъ осквернителей супружняго ложа, 2) ночныхъ татей, 3) военноплѣнныхъ, 4) тѣхъ, кои, не взирая на узы крови, соединяются бракомъ, 5) каждаго, кто предательски нападаетъ на деревню, домъ или частное лице. Таковыхъ преступниковъ призываютъ въ уголовный судъ; когда слѣдствіе кончено и приговоръ произнесенъ, каждый изъ судей выпиваетъ чарку, что служитъ вмѣсто подписи. За осквернепіе супружняго ложа преступника не казнятъ, если родственники виновной жены не хотятъ присутствовать при казни. Обыкновенно сначала требуется ухо, потомъ присутствующіе, по чинамъ и старшинству, разбираютъ остальныя части. Наконецъ глава собранія, отрѣзавъ виновному голову, вѣшаетъ ее, какъ трофей, предъ своимъ домомъ. Онъ же или обиженный уноситъ къ себѣ мозгъ, который тщательно сохраняется въ стклянкѣ, по причинѣ приписываемой ему волшебной силы. Внутренностей не ѣдятъ; но сердце, руки и подошвы почитаются лакомыми кусками. Мясо ѣдятъ сырое или поджареное, не иначе какъ на мѣстѣ казни, приправляя оное самбуломъ или сорочинскимъ пиценомъ. На пакихъ пиршествахъ не употребляется ни пальмовое вино, ни горячіе напитки, но многіе приносятъ съ собою пустыя бамбуковыя трости, и, наполнивъ ихъ кровью, пьютъ ее. Винов-

ный долженъ быть казненъ не тайно, но при всѣхъ; одни мужчины при томъ присутствуютъ, женщинамъ же запрещается человѣчье мясо; однакожъ онѣ находятъ средства доставать оное украдкою. Мясо это любимая пища Баттасовъ, но они употребляютъ ее въ тѣхъ только случаяхъ, когда законъ позволяетъ. Таковая казнь назначается по хладнокровномъ, зрѣломъ, обдуманномъ совѣщаніи, въ которомъ рѣдко участвуетъ личная месть, исключая, если дѣло идетъ о военноплѣнныхъ. Въ мирное время, ежегодно съѣдаютъ они отъ шестидесяти до ста человѣкъ.

Бывало, Баттасы ѣдали родителей своихъ, когда они устарѣютъ и не въ силахъ работать. Старики сами вѣшались на дерево, уцѣпясь за него руками, а дѣти ихъ и сосѣди плясали кругомъ, крича: »пора свалиться зрѣлому плоду«. Это происходило обыкновенно въ то время года, когда созрѣваютъ лимоны и нѣтъ недостатка ни въ соли, ни въ перцѣ. Коль скоро упомлѣнные старики, ослабѣвъ, падали съ дерева, присутствующіе кидались на нихъ и пожирали. Теперь уже перестали ѣсть стариковъ.

И въ Китаѣ нѣкогда горскіе жители питались человѣчьимъ мясомъ; обыкновеніе ѣсть людей, въ военное время, существуетъ и донынѣ въ провинціи Фо-Кіанѣ. Китайскіе врачи нерѣдко прописываютъ больному кусочекъ человѣчьяго мяса. Недавно въ Макао нѣкто, опасно больный, велѣлъ убить ребенка, чтобъ спасти себя отъ смерти. Въ Кантонѣ, палачи весьма дорого продаютъ желчь казненныхъ, которую мѣшаютъ съ пищею, полагая, что она придаетъ смѣлости, и потому преступника называютъ человѣкомъ безъ желчи. Въ дополненіяхъ къ Китайскимъ уголовнымъ законамъ сказано, что Лику, Гоанъ—Шанскаго округа,

продалъ человѣчьей желчи на 20 серебреныхъ унцій. Въ 1811 году дознано, что Чангъ, изъ провинціи Че-Кіанга, въ теченіе 16 лѣтъ, умертвилъ 11 дѣвушекъ, чтобы соками ихъ подкрѣпить себя. Двенадцатая жертва вырвалась изъ рукъ людоѣда, и донесла на него. По наружности — такъ пишутъ о немъ — казался онъ человѣкомъ, сердцемъ же былъ лютый звѣрь. Ему исполнилось 70 лѣтъ, когда присудили изрѣзать его на куски; и шестнадцать семействъ, изъ коихъ онъ избиралъ жертвъ своихъ, присутствовали при его казни. (L. W.)

— СУДЬБА НОВАГО ЛОНДОНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — Извѣстно, какими блистательными надеждами сопровождалось основаніе Университета въ Лондонѣ: надежды сіи не сбываются; и заведенію, начатому съ такимъ усердіемъ и съ такою дѣятельностію, угрожаетъ уже паденіе. Недавно акціонеры учредили коммиссію для разсужденія о средствахъ возвратить заведенію довѣренность, которую Совѣтъ Университета умѣлъ уже потерять въ краткое время своего дѣйствованія. Онъ составилъ изъ ученыхъ и достойныхъ Профессоровъ; но они всѣ въ разладѣ между собою; а одинъ изъ нихъ (Анатомикъ Паттиссонъ) произвелъ недавно гораздо большій соблазнъ, поссорившись публично съ своими слушателями. Это однако не самая еще главная бѣда, угрожающая Университету. Заведеніе сіе было основано съ тою преимущественною цѣлію, чтобы доставлять образованіе, независимо отъ вліянія духовенства: и хотя многіе изъ главныхъ основателей его принадлежатъ къ господствующей Англиканской Церкви, большую часть акціонеровъ составляютъ сектанты, въ особенности: Унитаріи,

Жиды и Невѣрующіе. Между тѣмъ публикѣ не нравилось и не хотѣлось, чтобы религіозное образованіе исключено было совершенно; и политическіе враги основателей заведенія воспользовались очень удачно этимъ обстоятельствомъ, чтобы поселить съ самаго начала неблагопріятное къ нему предубѣжденіе. Совѣтъ думалъ разрушить это предубѣжденіе, пригласивъ къ профессорству многихъ уважаемыхъ особъ изъ Англиканскаго Духовенства и даже позволивъ одному изъ сихъ духовныхъ наставниковъ давать Богословскіе уроки вблизи Университета. Но это только что оскорбило акціонеровъ, не принадлежащихъ къ господствующей Церкви, не примиривъ ни мало публику съ заведеніемъ. Такимъ образомъ Университетъ, отъ котораго такъ много ожидали, разстроился въ самомъ младенчествѣ и теперь уже носитъ сѣмена скораго разрушенія. Между тѣмъ, къ довершенію его несчастія, Королевскій Коллегіумъ открывается въ самомъ непродолжительномъ времени (не позже будущаго Октября). Сіе послѣднее заведеніе учреждается, какъ извѣстно, для противудѣйствія новому Университету, Торисами и друзьями господствующей Церкви. Веллингтоново Министерство подкрѣпляло его всѣмъ своимъ вліяніемъ: оно выхлопотало ему преимущества, какихъ не имѣлъ Университетъ, и мѣсто въ наиболѣе посѣщаемой части города, такъ сказать, на рубежѣ между модянымъ и торговымъ свѣтомъ. Правду сказать, послѣ того какъ это Министерство оказалось такъ расположеннымъ къ Католикамъ, наиболѣе ревностные члены Англиканской Церкви потеряли къ нему довѣренность и считая себя обманутыми, охладѣли въ усердіи къ заведенію, сосостоявшему подъ особеннымъ покровительствомъ людей, въ коихъ подозрѣваютъ замаскированныхъ Іезуитовъ.

Особенно Графъ Винчельси (Winchelsea) въ одномъ публично обнародованномъ письмѣ дозволилъ себѣ такія оскорбительныя выраженія противъ Герцога Веллингтона, что сей послѣдній для спасенія своей чести или, можетъ быть, по другимъ высшимъ политическимъ видамъ счелъ за нужное съ нимъ стрѣляться. Между тѣмъ заведеніе приняло свой ходъ; благоразумнѣйшіе умѣли разобрать дѣло и остались вѣрными своему первому плану; такъ что, не смотря на завладѣніе Министерства противоположною партіею, подъ предсѣдательствомъ Бруггама, основателя Университета, Королевскій Коллегіумъ, подъ особеннымъ руководствомъ Лондонскаго Епископа, обѣщаетъ не только быть прекраснымъ зданіемъ, но и не имѣть недостатка въ достойныхъ Профессорахъ. Между прочимъ въ немъ учреждаются катедры Французской, Итальянской и Нѣмецкой Словесности: и хотя особенно первая изъ нихъ будетъ конечно мало имѣть слушателей, это должно однако прибавить важности изученію новѣйшихъ языковъ и ослабить слѣпое предпочтеніе, оказываемое доселѣ въ школахъ исключительно языкамъ мертвымъ. Сообразно съ основнымъ закономъ Института, Великій Канцлеръ Англіи и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ долженъ быть, по своему званію, членомъ Совѣта Коллегіумскаго; и такимъ образомъ Лордъ Бруггамъ есть теперь глава обоихъ соперничествующихъ заведеній. Но онъ имѣетъ столько благородства и чистоты въ чувствованіяхъ, что Королевскій Коллегіумъ не можетъ опасаться отъ него никакого злоупотребленія власти, во вредъ себѣ. Безпристрастные любители просвѣщенія желаютъ, чтобы оба сіи заведенія имѣли успѣхъ: ибо соревнованіе между ними, могло бы скорѣе имѣть благодѣтельное, чѣмъ вредное вліяніе для столицы Британіи. (М. В.)

—ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА ИЗЯЩНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЪ. —Кто бы могъ подумать, чтобы на нынѣшней Парижской Выставкѣ явилось цѣлыя три тысячи художественныхъ издѣлій? И такъ искусство не знаетъ и не боится никакихъ худыхъ временъ, никакихъ смятеній, никакихъ переворотовъ! Тогда какъ Франція колеблется въ своихъ основаніяхъ, художники покойно сидятъ за станкомъ и оживляютъ на полотнѣ минувшія событія или прекрасные виды природы. Дабы изъяснить это необыкновенное множество художественныхъ издѣлій на нынѣшней Парижской Выставкѣ, должно припомнить, что подобныхъ Выставокъ не было уже давно: слѣдовательно художникамъ было когда работать въ продолженіе времени, которое если не было совсѣмъ покойно, то по крайней мѣрѣ было тихо. Впрочемъ выставленныя теперь произведенія по большей части мѣлки и не требовали много времени. Число большихъ картинъ безпрестанно становится менѣе; ибо кромѣ церквей не много зданій, гдѣ бъ онѣ могли находить мѣсто. Напротивъ является необыкновенное множество такъ называемыхъ кабинетныхъ картинъ, которыя каждый сколько-нибудь достаточный гражданинъ можетъ имѣть у себя въ домѣ. Въ тоже время замѣчается ощутительное уменьшеніе, если не совершенное уничтоженіе, картинъ, представляющихъ сцены изъ Священной и даже изъ древней Греческой и Римской Исторіи: теперь преимущественно изображаются семейственныя черты, новѣйшія событія, романтическія и романическія приключенія. Отсюда происходитъ великое различіе въ картинахъ и въ родахъ Живописи. Тѣ художники, которые прежде занимали первое мѣсто, какъ н. п. Жераръ, Гро и другіе имъ подобные, не представили те-

перь ничего; и ихъ примѣры не имѣли почти никакого вліянія на новое поколѣніе художниковъ, которое идетъ своимъ собственнымъ путемъ. Преимущество предъ всѣми прочими единогласно отдано картинѣ живописца *Роберта*, представляющей *Италіянскихъ Жнецовъ*. *Летѣ*, придерживающійся еще стариннаго обычая писать огромныя историческія картины, выставилъ *Смерть Виргиніи*, которую уже, кажется, показывалъ за деньги въ Англіи. Но эта *Виргинія* не имѣетъ никакого сравненія съ его *Брутомъ*. *Горацій Вернетъ*, находящійся теперь въ Римѣ Директоромъ Французской Академіи Художествъ, измѣнилъ свой стиль въ Италіи и сдѣлался хорошимъ историческимъ живописцемъ. Эта фамилія *Вернетовъ* представляетъ истинно чудное явленіе: всѣ они раждаются съ счастливыми дарованіями, становятся хорошими художниками, бываютъ вмѣстѣ остроумными людьми и пріобрѣтаютъ себѣ великую славу. Впрочемъ большую часть художниковъ, выставившихъ теперь свои произведенія, составляютъ молодые люди, изъ которыхъ многіе подаютъ о себѣ великія надежды. Между тѣмъ нынѣшняя же Выставка представила доказательства, что надѣяться должно всегда съ осторожностію. На послѣдней Выставкѣ въ Люксембургѣ, одинъ молодой художникъ, по имени *Дсверіа*, не обязанный никакому учителю своимъ образованіемъ, отличился удивительною смѣлостію перваго своего опыта. Каждый былъ пораженъ изумленіемъ; и всеобщее единодушное мнѣніе обѣщало юношѣ блистательные успѣхи. Теперь онъ опять изумилъ публику, но уже удивительною посредственностію своихъ произведеній. Тоже случилось и съ нѣкоторыми другими. Нѣкоторые отличные художники, н. п. *Герсанъ*, нашли прибыльнѣе писать портреты

и представили весьма незначительные опыты на этомъ поприщѣ, что подвергаетъ опасности ихъ прежнюю славу. Вообще для художниковъ, какъ и для писателей, весьма невыгодно, что Парижская публика занята теперь совершенно другими дѣлами, не позволяющими ей обращать должное вниманіе на искусства. Это безъ сомнѣнія будетъ имѣть вліяніе на сбытъ художественныхъ издѣлій. Изъ трехъ тысячъ картинъ вѣроятно половина останется въ мастерскихъ художниковъ; и это конечно не поощритъ ихъ работать для будущей Выставки съ равнымъ усердіемъ и съ равною дѣятельностію. (M. B.).

XI.

отповѣдь одному журналисту.

Крайняя невѣжливость, съ которою вы нападаете на всѣ лица безъ разбору, дѣлаетъ и васъ недостойнымъ никакой пощады. Почему я себѣ позволяю сказать публично, что вы, государь мой, *говорите неправду*, приписывая на 470 и 472й страницахъ 12го N вашего Журнала на нынѣшній годъ, издателямъ любопытнаго творенія *Кирилова*, составленнаго по повелѣнію Петра Великаго (*Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго Государства*), невѣжество, хвастовство, шарлатанство и желаніе большихъ барышей; равно *поступаете совѣстно*, увѣряя публику, будто книга эта была уже напечатана. Вотъ доказательства:

Почтенный *Голиковъ* и не мыслилъ издавать въ свѣтъ рукописи *Кирилова* въ 1797 году; но получивъ ее отъ А. П. Курбатова, пользовался ею только,

на ряду съ другими источниками, у него бывшими, при сочиненіи XVIII тома его *Дополненій къ Дѣяніямъ Петра Великаго* а), подобно, какъ напр. Татищевъ пользовался лѣтописью Несторовою за многіе годы до ея напечатанія, которое однако послѣ никто не почелъ излишнимъ, или содержаніе лѣтописи *давно извѣстнымъ*. Я усердно прошу всякаго добросовѣстнаго читателя сравнить обѣ книги отъ перваго листа до послѣдняго, чтобы въ томъ увѣриться. Что *Голиковъ* дѣйствительно сочинялъ, *составлялъ*, а не переписывалъ изъ *Кирилова*, то очевидно уже изъ его предисловія, которое оканчивается такъ: »впро»чемъ, къ достиженію до точности всего описаннаго »употреблено мною всевозможное стараніе, не жалѣя »на то ни трудовъ, ни издержекъ. Но какъ при всемъ »томъ на нѣкоторыя изъ показанныхъ статьи не »могъ я достать точныхъ вѣдомостей... слѣдова»тельно и не смѣю утверждать, чтобъ въ разборѣ »такомъ и въ умозаключеніяхъ моихъ о нихъ не »могъ я въ чемъ либо не ошибиться, и чего либо не »проронить; а по сему сочту себя чувствительно »одолженнымъ тѣмъ изъ читателей моихъ, кои, имѣя »большее моего о семъ свѣденіе, сообщатъ мнѣ свои замѣ»чанія, которыя и послужатъ мнѣ наставленіемъ къ ис»правленію современемъ найденныхъ ими погрѣшностей и »къ дополненію опущеннаго мною. (Марта 26 1797 года.)«

Самая книга (XVIII томъ Дополненій) отъ §. 1 »Россія, занимающая болѣе седмой части суши зем-

---

а) Содержащаго въ себѣ описаніе состоянія Россіи, въ каковомъ сей Государь ее по себѣ оставилъ.

»наго шара а) ...« до извѣстнаго хора Державина:

„Неси на небо гласы, вѣтръ:
„Безсмертенъ ты великій Петръ!“,

и *заключенія*, писана *вся* слогомъ повѣйшимъ, слогомъ *И. И. Голикова* или приводимыхъ имъ лицъ, *не Н. К. Кирилова*; и то, что заимствовано у послѣдняго, входитъ въ оную отнюдь не *цѣликомъ*, какъ вы утверждаете, переработанное на ряду со множествомъ другихъ источниковъ, сочиненіями *Татищева*, *Соймонова*, *Манштейна*, *Вѣдомостями* разныхъ *Коллегій*, и проч. и проч; между тѣмъ какъ есть въ сочиненіи *Кирилова* довольное число и такихъ очень любопытныхъ статей, коими *Голиковъ*, по принятому имъ *собственному* плану, не хотѣлъ воспользоваться. Представимъ примѣръ, разгнувъ обѣ книги совершенно на удачу, по срединѣ. Попадается, какъ бы нарочно въ угоду вамъ, одно изъ самыхъ сходныхъ мѣстъ, безъ разсужденій, безъ цитатъ, коими отличается *Голиковъ* на каждой его страницѣ. Но посмотримъ, есть ли разность? Читайте!

У *Голикова*.	У *Кирилова*.
Стр. 272.	Стр. 8, Част. II.
§ 43. Казанскаа Губернія, въ коей кромѣ Русскихъ обитали Татары, часть Болгаръ, Чуваши,	Казанская Губернія. Городъ Казань прежде былъ построенъ отъ Татарскихъ Царей, деревянный,

а) *Кириловъ*, послѣ *краткаго извѣстія* о содержаніи первой книги, начинаетъ прямо С. Петербургскою Губерніею, и въ ней именами членовъ Верховнаго Совѣта.

Мордва, Черемисы и Вотяки, большею частію обращенные въ Христіанскій законъ (кромѣ Татаръ).

Губернскій городъ Казань, бывшій столицею Царства Татарскаго, имѣетъ каменную старинную съ башнями крѣпость, окружавшуюся другою деревянною. Въ обѣихъ было пушекъ мѣдныхъ 30, чугунныхъ 49, гоубицъ, дробовиковъ и мортиръ мѣдныхъ 10.

и въ 7061 году при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ взятъ отъ Россійскихъ войскъ штурмомъ, и послѣ того построенъ каменный на горѣ, да около его другой городъ деревянный.

Стоитъ тотъ городъ на Казанкѣ рѣкѣ, а съ другой стороны озеро Кабанъ, изъ котораго вышла рѣка Булакъ, и течетъ сквозь деревяннаго города и впала въ Казанку рѣку; да отъ города въ 5 верстахъ Волга рѣка; разстояніемъ тотъ городъ отъ Москвы въ 680 верстахъ.

Стр. 274.

Въ Казанской Провинціи находились вѣдомства Артиллерійской Канцеляріи, 3 сѣрные завода: первый близъ пригорода *Сергіевска*, построенный по Указу же Монарха въ 1703 году.

Вторый въ 6 отъ перваго верстахъ и при ономъ построенъ по Указу же Его Величества пригородъ

Стр. 11, Част. II.

»О заводахъ.« Въ Казанской Губерніи имѣются казенные сѣрные заводы, которые нынѣ въ вѣдомствѣ Артиллерійской Канцеляріи.

Первые Сергіевскіе, разстояніемъ отъ Сергіевскаго городка въ 6 верстахъ съ половиною.

При тѣхъ Сергіевскихъ

Новосергіевскъ. Оба сіи пригорода населены старой службы рейтарами, драгунами и проч. и укрѣплены земляными крѣпостями.

Третій близъ города *Самары*, укрѣпленный острогомъ.

Къ первому и второму для работы приписаны были 508 семей Татарскихъ, а на пристьмъ работали дворцовые Самарскіе крестьяне. При всѣхъ находилось подмастерьевъ и учениковъ 38; работы исправлялись подъ надзираніемъ трехъ опредѣленныхъ отъ артиллерійской канцеляріи коммиссаровъ и пр.

сѣрныхъ заводахъ ближнихъ 4 ключа, которые вышли изъ горы и вышиною 26 саженей съ половиною; разстоянія между пѣми ключами отъ спенной стороны: отъ перваго ключа до втораго 12 саженей, отъ втораго до третьяго — 13, до четвертаго же 13 саженей съ аршиномъ, и изъ пѣхъ ключей вода бѣжитъ чрезъ лари въ рудъ, изъ котораго сѣрная рѣчка пошла и впала въ рѣку Сургутъ, которая отъ устья до ключей 327 саженей съ двумя аршинами, и изъ дальнихъ ключей, которые присканы въ 703 году, течетъ вода въ рѣку Шурму.

Цвѣтущее Состояніе Всероссійскаго Государства упоминается у *Голикова* не въ предисловіи, не въ началѣ гдѣ либо, чего отъ скромности и правдолюбія его должно было ожидать, еслибъ онъ хотя *преимущественно основывался* на семъ сочиненіи, но уже очень поздо, на 483й, какъ вы сами сознаете, и еще на 494й страницахъ: на первой — (которую вы *за глаза* безъ всякаго стыда поставляете какъ бы *въ доводъ*)— слѣдующимъ образомъ: »а къ онымъ (*доходамъ*) присовокуп»лю и всѣ расходы государственные, куда и на что и »изъ какихъ именно доходовъ употреблялись, въ чемъ

»не малою помощію послужилъ мнѣ бывшій Правитель»ствующаго Сената Обер-Секретарь и потомъ Сената»скій Совѣтникъ и первый основатель Оренбургской »Губерніи Иванъ Кириловичь Кириловъ; чего же въ »немъ недоставало, дополню моими замѣчаніями, по»черпнутыми частію изъ сколь же достовѣрныхъ ис»точниковъ, частію же изъ разныхъ записокъ, сообра»женныхъ съ существомъ и обстоятельствомъ дѣлъ« и пр. (с. 482,483). Внизу, въ примѣчаніи, наименованіе рукописи и откуда оная получена, въ первый и въ послѣдній разъ. На стр. 494й въ примѣчаніи же: »До 51 статьи описанные доходы взяты мною изъ »табели, сочиненной о нихъ предупомянутымъ *Г. Ки»риловымъ* изъ подлинныхъ вѣдомостей, въ Сенатѣ »сообщаемыхъ; а показанныхъ подъ 51 статьею и »послѣдующихъ за оною, у него не достаетъ.« И вотъ все! . . Ergo—»рукопись *Кирилова* была за 34 »года напечатана, и издатели *Цвѣтущаго Состоянія* »выдаютъ старое за новое?...« Стыдитесь, сударь!

Страннѣе всего, что вы ссылаетесь на *Дополненія Голикова* въ видѣ какъ бы сдѣланнаго вами открытія, *пойманія на дѣлѣ*: что можетъ обмануть не читавшихъ еще вышедшей книги и не имѣющихъ у себя сочиненія *Голикова*, которое стало весьма уже рѣдкимъ а). Между тѣмъ какъ *Г. Погодинъ* и предисловіе свое началъ тѣмъ, что рукопись взята изъ *Голикова* бумагъ. (!?) Вотъ шутъ-то, *съ настоящимъ правомъ* можно сказать: »не чисто, Князь!« Подобная

а) Этой одной причины было бы достаточно, чтобы не охуждать напечатанія *Цвѣтущаго Состоянія*; а благодарить Г. Ширяева за употребленные издержки.

же *штука* была вами употреблена въ 1826 году, чтобы уронить расходъ *Иліодолетра* и срѣзать молодаго человѣка, на восемнадцатомъ году его возраста, издавшаго сію полезную книгу. Этому подъ пару могутъ лишь служить ваши выходки противу *Г. Вѣлина.*

Касательно *большихъ барышей,* отъ васъ и отъ всякаго изъ читателей вашихъ зависитъ выправиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ напечатано *Цвѣтущее Состояніе* и гдѣ оно продается, какъ о маломъ, крайне маломъ числѣ проданныхъ экземпляровъ, такъ и о томъ, получили-ль издатели изъ сего хотя одинъ рубль въ свою пользу, между тѣмъ, какъ повѣрятъ, надѣюсь, что издержки на *предположенное* а) изданіе простерлись бы конечно далеко выше трехъ тысячъ рублей, вами упоминаемыхъ: но что жъ дѣлать, если доброжелателя книгопродавца не подкрѣпила публика; если никто изъ *громко* вызывавшихъ *друзей просвѣщенія* — (кромѣ Г. Министра сей части, который рекомендовалъ взять по экземпляру для библіотекъ Университетовъ)— не удостоилъ его подпискою; если въ теченіи года, со всѣхъ концевъ Россіи отозвалось только пять особъ, желавшихъ имѣть сію книгу. Пришлось печатать безъ картъ и другихъ обѣщанныхъ прибавленій!.. Тѣмъ не менѣе увѣреннымъ быть можно, что *все* обѣщаніе исполнится, коль скоро сумма соберется достаточно, чтобы заплатить из-

---

а) Съ картами, планами, фасадами зданій, костюмами того времени и примѣчаніями для сравненія каждой статьи по прошествіи ста лѣтъ; что конечно заняло бы два большіе тома.

держки. И это не первый примѣръ у насъ на Руси! Бывало и плоше этаго: получали подписныя деньги разомъ за двенадцать тюмовъ, и выдавали на силу три въ три послѣдующіе года. Это вы сами знаете.

Теперь — о томъ, правильно ли *Цвѣтущее Состояніе Кирѣлова*, можетъ быть названо тогдашнею Статистикою, тогдашнею картиною Россіи?

Мы знаемъ не меньше васъ, государь мой, что названіе: *Статистика* — произошло въ половинѣ уже XVIII вѣка; сумѣемъ, если вамъ угодно, наименовать и Германскаго ученаго, который оное ввелъ. Но будете ли вы отрицать: 1) что *вещь* можетъ существовать прежде *имени*, 2) что науки въ происхожденіи своемъ не то, что въ послѣдствіи, въ усовершеніи? Таковы были и Математика и Исторія: тѣмъ не менѣе *сообразно вѣку* заслуживавшія свои имена, заслуживающія ихъ и для насъ въ созерцательномъ отношеніи прежде, нежели современники постепеннаго ихъ усовершенія оныя имъ дали. Почему простодушный нашъ Несторъ не достоинъ имени *Историка*, не XIX конечно, но своего XI вѣка? Почему Магницкій не могъ бы быть названъ первымъ Россійскимъ Математикомъ, издавъ просто Ариѳметику, въ началѣ XVIII вѣка, когда имя Математики было *у насъ* неизвѣстно? Или первоначальный издатель Французскаго Меркурія *Журналистомъ*, а изданіе, за которое онъ получалъ отъ двора пенсію, *Журналомъ* (разумѣю *теперь*), хотя сіи названія были введены позднѣе приступа къ Меркурію? Воля ваша, государь мой!.. Писцовыя книги Тульскаго посада называете вы сами, *тамъ же*, въ N 12 на стр. 499, *описаніемъ Тулы въ XVII столѣтіи*, и въ примѣчаніи примѣняете къ Статистикѣ, а оспориваете это имя у *Цвѣтущаго Состоя-*

ния. Не противорѣчіе ли это самому себѣ? . . Все постепенно идетъ къ совершенству. И Статистика *Кирилова*, хотя далека отъ Статистики Ахенвала, а еще далѣе отъ Статистики Бальби, тѣмъ не менѣе есть Статистика. Прочтите, прошу васъ, *еще разъ*, то самое мѣсто изъ Предисловія ко Второй Части, которое вы напечатали на 474 страницѣ вашего N. 12 и вы удостовѣритесь, что сей смышленной Секретарь Петра Великаго имѣлъ намѣреніе писать Статистику Россіи такъ, какъ оная могла быть написана въ его время, и какъ тогда нигдѣ въ Европѣ еще не было писано. Докажите противное: представьте хоть одно современное сочиненіе Нѣмецкое, Французское или Англійское— (о другихъ нечего и говорить)— въ которомъ бы »для совершеннаго знанія о состояніи Государства, »положеніи мѣстъ, городовъ, рѣкъ, купечества и всяких торговъ, товаровъ, о состояніи и правительствахъ разныхъ народовъ, о войнахъ, мирахъ, грамотахъ, портахъ, о генеральномъ извѣстіи и описаніи правленія, законовъ, о высокомъ дворѣ, о чинахъ коронныхъ, коронаціяхъ, свадьбахъ, и о прочемъ« а)—было въ одномъ общемъ обзорѣ писано; дайте иное опредѣленіе наукѣ, описывающей состояніе государствъ: тогда мы, читатели ваши, признаемся, что сочиненіе *Кирилова* не *Статистика* и не *старѣйшая* Статистика въ Европѣ. Предпринятый въ *такомъ намѣреніи*— (хотя, по обстоятельствамъ, конечно не совершенный)— памятникъ Россіи временъ Петровыхъ, сто лѣтъ бывшій подъ спудомъ, называете вы *простого росписью городовъ*, которая — де уже и напечатана давно. И это изъ одного негодованія на *Г. Погодина* .. Слѣдовательно

а) Подлинныя слова *Кирилова*.

вы, государь мой, всегда по обычаю вашему *говорите правду* и поступаете *добросовѣстно и благородно*! Что и доказать надлежало!

(*сообщено*).

Москва.
1831 года.
Августа 29.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Сентября 18 дня 1831 года.

Цензоръ С. *Аксаковъ*.

МОСКВА, ВЪ ТИПОГР. ЛАЗ. ИНСТ. ВОСТ. ЯЗЫКОВЪ.